

О. ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

І ТІМ

ВНУК
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Литрес

О.Шеллина (shellina)

Внук Петра Великого. Том 1

Серия «Внук Петра Великого», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70159075

SelfPub; 2023

Аннотация

Мог ли я когда-нибудь представить себе, что однажды окажусь в теле малолетнего Карла Петера Ульриха, герцога Гольштейн-Готторпского? Нет, конечно. Но это произошло, и теперь меня везут в Петербург, чтобы представить тётке Елизавете Петровне. Не знаю, как я смогу повлиять на свою новую жизнь, но просто плыть по течению точно не стану.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	54
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	80

О.Шеллина (shellina)

Внук Петра Великого. Том 1

Пролог

– Да чтоб тебя, – снегоход встал окончательно и не подавал больше признаков жизни. Он уже полчаса как выделываться начал, но вроде бы шел, а теперь сдох и не подает признаков жизни. Съездил на дяляну, называется.

Слезая с взбрыкнувшей машины, совершенно закономерно провалился в глубокий снег, едва ли не по пояс. Матерясь, выбрался на буранку и стянут теплую перчатку вытащил телефон из внутреннего кармана куртки. Связи нет, ну кто бы сомневался? Сильный порыв ветра швырнул мне в лицо пригоршню снега. Еще и буран начинается, хотя прогноз не предвещал ничего подобного, и с утра погода была хоть и морозная, но ясная. Так, и что мне делать? Думай, Петр Федорович, думай. Голова, чтобы думать дана. Так, сколько я проехал, когда этот слишком разрекламированный агрегат сдох? Километров пять где-то. Значит, до дороги еще столько же. Связи нет, буран начинается. Придется идти. Может, где-нибудь по дороге хоть одна полосочка мелькнет, чтобы на звонок хватило. Хорошо еще костюм хороший, не должен

замерзнуть.

Приняв решение, как это всегда бывало, побрел по нака-
танной буранке в сторону дороги, где стояла моя машина и
ждала хозяина, которому в башку втемяшилось сунуться в
тайгу в гордом одиночестве. Хотя бы Толяна дождался, иди-
от. Когда себя ругаешь, вроде бы и идетя неплохо, только
вот сложно, все равно проваливаешься, хоть и не по пояс,
но по яйца кое-где случается. А ветер все усиливался. И уже
становилось плохо видно, куда ногу ставить, потому что ве-
тер старался как можно скорее замести все следы пребыва-
ния здесь человека.

Примерно через час, я сел прямо в снег, зачерпнул горсть
и сунул в рот. Пить хотелось страшно, а еще спать. Глаза про-
сто сами собой слипаться начали. Так, вот этого вообще ни-
как нельзя допускать. Уснуть сейчас – это гарантированно
не проснуться! Вставай Петька, и иди. Завтра на участок за-
ступать, еще отдохнуть надо успеть.

Ноги гудели и поднимаясь я даже застонал от боли. Здесь
никого нет, кроме меня, так что, можно и постонать, все
равно никто не услышит. Заниматься надо больше, Петруха,
чтобы не выть из-за гудящих ног. Раз работа не слишком тя-
желая, но вполне себе денежная, значит надо вон, хотя бы в
зал походить железо потягать. Или жениться на ком-нибудь
уже, а то так и помрешь бобылем. Вон Танька из лаборато-
рии, чем тебя не устраивает? И симпатичная, и в постели не
бревно. Так ведь нет же, стоит ей только робко намекнуть о

том, чтобы съехаться, так ты тут же хвостом мести начинаешь. И к Светке под бочок бежишь. Она хоть и дура дурой, но красивая и, что самое главное, без претензий. Подарки вот любит, и чтобы блестели. Или же айфон очередной. Ну, почему нет? Деньги позволяют, недаром пересилил себя и подался-таки на север, как раз, чтобы подзаработать, да так и залип. Уже второй контракт к концу подходит, а домой к Европам поближе почему-то и не тянет. Вон, даже о доме задумался, лес выписал. На дялян-то и поехал, идиот.

Нога подвернулась, и я упал лицом в плотный снег. Отплевываясь, кое-как сел. Да, вот так пробираться – это не за приборами на перекачивающей нефть станции сидеть в качестве дежурного инженера смены, тут работать надо. Но как же холодно. И глаза сами собой закрываются. Я всего лишь пару секунд подержу их закрытыми и дальше пойду. Судя по ощущениям, до дороги-то всего-ничего осталось... Как холодно...

Бледный подросток, лет тринадцати-четырнадцати на вид, худой и нескладный лежал на кровати в промерзшей комнате, единственной на этой почтовой станции и прислушивался к тому, о чем говорили его сопровождающие. Уже несколько дней он страшно мерз и никак не мог согреться, но не признавался в этом, а сопровождающие его офицеры и даже приставленный специально, чтобы заботиться о нем лакей, не замечали, что он становился все слабее день ото дня.

Они стремились как можно скорее пересечь границу Пруссии, и на такие мелочи, как пробивающая его время от времени дрожь, не обращали внимания. Сегодня было особенно холодно и страшно хотелось спать. Но мальчик старательно вслушивался в тихий разговор, благо говорили они по-немецки, и с пониманием проблем не возникало. Вот только расслышать удавалось далеко не все.

– Фон Мирбах отписался, наконец-то. Вот, когда мы заселялись в эту дыру, курьер привез письмо, – грубоватый голос в котором слышалось раздражение, заставлял мальчика вздрагивать и плотнее закутываться в тонкое одеяло, которое совсем его не грело. – Бракель мертв, и его племянник поспешил проститься с дядюшкой.

– Но как мы, дьявол всех раздери, проедем через Берлин? – второй голос был не столь резким, но и в нем звучало ставшее уже привычным за эти дни, пока они выбирались из Киле и ехали до Берлина, раздражение.

– У нас есть документы подорожные на имя графа Дюкера, – через некоторое время ответил первый голос. – Вот так и поедем. Как знать, может быть, так получится даже быстрее. – Воцарилось молчание. Оно было настолько длинным, что появилось ощущение, будто говорившие уже уснули. Мальчик вздохнул и закрыл глаза, чтобы погрузиться в так манящую его пустоту, в которой хотя бы дикий холод не ощущался настолько резко. Но тут второй голос проговорил.

– Что-то не нравится мне, как герцог выглядит. Такой уж

бледный да немощный, того и гляди душа тело покинет.

— Да ладно, нам его главное до места довезти, а там уже не наше дело, как его будут делать более представительным, достойным его будущего титула. Давай уже спать, завтра встать рано надо будет, чтобы без задержек Берлин проехать.

Мальчик натянул одеяло повыше. Вот так, никому ты и не нужен вовсе, хоть и предполагал, что, уехав из Киле тебя ждет совершенно другая чудесная жизнь. Только вот, похоже, что ничего не поменялось. Только декорации будут другие, да чужая непонятная речь, которую придется как-то понимать, чтобы знать, когда о тебе разные гадости начнут говорить. Чтобы потом, когда ты станешь, наконец, императором, суметь отыграться за все хорошее.

Мальчик даже не заметил, как из уголка глаза выкатилась одинокая слезинка и скрылась в волосах. Как же холодно, и как тянет спать. Спать...

Глава 1

Меня разбудил укол, словно я на иголку какую напоролся, вслед за которым то место на боку, куда он пришелся, стало немилосердно зудиться. Я пошевелился, чтобы добраться рукой до зудящегося места, чтобы уже поскрести его хорошенько, и тут же почувствовал, как чья-то рука крепко сжимает мое плечо, а потом включился слух, и я услышал мужской голос.

– EureHoheit*. Eure Hoheit, wacht auf, es ist Zeit aufzustehen**, – я приоткрыл один глаз. Телевизор что ли работает? Какой-то иностранный канал по тарелке теперь транслируется? Тогда почему нет перевода? Хотя, французские же тоже без перевода идут, просто я его немного знаю, что поделать, если партнеры у нашего отделения исключительно с французского сектора. Вот французские каналы меня не слишком и раздражают, а вот этот прямо по ушам резанул. – Eure Hoheit, wir müssen los.*** – и тут меня начали трясти, видимо, пытаясь разбудить. – Eure Hoheit, wir müssen los, – повторил мужской голос и в нем послышалось раздражение. Что это за язык? Похож на немецкий. Вот только я по-немецки знаю «Гитлер капут», и на этом мои лингвистические познания в данном языке заканчиваются. Приподнявшись на локтях, я промычал, показывая, что проснулся.

– М-м-м, – и тут же резко сел, сбрасывая с плеча чужую руку, распахнув глаза. Где я? Что это за мужик, который меня будит и говорит предположительно на немецком языке. Что-то опять кольнуло, как перед тем, как меня начали столь интенсивно будить, на этот раз в ногу. Опустив взгляд, я увидел клопа, ползущего по моей ноге. – А-а-а, – вскочив, я принялся отряхиваться, потому что меня посетило странное подозрение, что этот клоп здесь не один. И только через минуту до меня дошло, что я спал одетым, да и одет я как-то странно, и рост мой должен быть вроде бы повыше, а комната так странно оформлена... Где я?! И тут же споткнулся, как бы не о собственную ногу, и рухнул на грязный пол, с которого попытался вскочить, с ужасом осознавая, что у меня ничего не получается. Вот тут-то паника накрыла меня с головой, но, как ни странно, я, вместо того, чтобы впасть в полноценную истерику, принялся обдумывать свое странное положение. Так, я возвращался с деляны, снегоход заглох, я долго шел, потом упал и... черт, я, кажется, заснул, а когда проснулся, то не в сугробе, как вроде бы предполагалось, а на какой-то странной хате с клопами. А еще здесь где-то стоит какой-то мужик, говорящий со мной по-немецки, который я вообще не понимаю. Ладно, если брать за основу тот факт, что меня спасли и притащили... ну не знаю, в сторожку какую-нибудь, то при чем здесь все остальные странности, и почему, черт всех раздери, этот мужик пытается говорить со мной по-немецки?

– Что здесь за крики? – судя по звукам в комнату вошел еще один мужик и задал вопрос на русском языке, но с жутким акцентом.

– Герцог изволит дурачиться, – недовольно ответил ему тот, кто до этого спрашивал меня о чем-то по-немецки. Подняв голову, я увидел стоящих передо мной мужчин. Они словно только что отыграли в массовке какого-то исторического фильма или сериала, во всяком случае, надетая на них одежда именно на это и намекала: сюртуки, белые чулки, штаны в обтяжку, переведя взгляд на себя, я еще раз убедился, что одет примерно так же. Только сюртука не было. Зато была белая рубашка, мятая, словно из задницы вытащенная... ах, да, я же в ней спал, и кружевное жабо, или как эта фигня на шее называется?

– И что ему привиделось на этот раз? – он даже не скрывал своего презрения. Похоже, что нахождение рядом с «герцогом», весьма тяготит его и он просто мечтает, когда уже избавится от этого присутствия.

– Не знаю, горящие угли? Вы же помните, Корф, что его высочество является признанным фантазером, и его вечные рассказы более всего напоминают обычную ложь, когда он слишком уж увлекается, – мужик протянул мне руку снова что-то сказав по-немецки, отчего мне на ум пришло осознание, что они говорят по-русски, чтобы я не понял, о чем именно идет речь. Это было так странно, что я даже растерялся и молча ухватился за протянутую руку, позволяя се-

бя поднять с пола. Насколько же они не уважают и презирают «герцога», если намеренно переходят при нем на язык, которого он в теории не понимает? Тот, который меня поднял с пола, сделал попытку усадить меня на постель, но я, вспомнив огромное количество ползающих по простыням клопов, отрицательно замотал головой, вырывая руку и садясь на стул. — Позовите Румберга, а то я уже невыносимо устал терпеть эти капризы, — мужик отреагировал на мой отказ поджатыми губами. Он едва глаза не закатывал, всем своим видом показывая, как сложно ему приходится с «герцогом». Этими своими ужимками он вызывал во мне настолько острую неприязнь, что я даже не пытался ее скрывать, глядя на него исподлобья. Впрочем, он отреагировал на мой взгляд полнейшим равнодушием, словно подобное отношение не было для него новостью.

Корф кивнул и вышел из комнаты, а я сидел в некоей прострации и пытался понять, почему его так называют? Это имя, или такое вот прозвище, немного странное. И самое главное, почему меня это так интересует. Хотя что, лишь бы прекратить задавать себе вопросы совсем другого порядка. Корф вернулся быстро, тот, с кем я оставался в комнате, не успел даже еще что-то спросить у меня по-немецки, потому что в этом случае я вынужден был бы признаться, что ни черта не понимаю, и что лучше уж общаться по-русски, раз он, хоть и с чудовищным акцентом, но умеет говорить на этом языке, который я считал до сегодняшнего дня родным. Сей-

час не считаю, потому что не просто же так эти двое уверены, что я понимаю исключительно немецкий. С трудом сдержав истеричный смех, я закрыл лицо руками. Похоже, что мне уже вот-вот пора будет в дурку на ПМЖ перебираться. Говорят, что, если сам сдашься, то будут послабления в виде конфеток на полдник и освобождения от смиренной рубашки.

В комнату вошел дюжий мужик, более всего напоминающий какого-то гренадера. Да и одет он был в военную форму, если я что-то в этом понимаю. Только вот форма была древняя и я понятия не имею, в какой стране такую вообще носили. Я вообще могу ориентироваться в своих познаниях лишь на два с половиной сериала на исторические темы, которые смотрел с Танюхой, вот она пищала в голос от всех этих дам и мусье и прекрасно могла отличить фижмы от кринолина, а сюртук от редингота, меня лишьхватило на то, чтобы вообще запомнить эти названия. И как по мне, так форма всех армий была одинаковой, по-моему, только у англичан более красная, а так: лосины, ботфорты, длинные сюртуки, как в таких вообще можно хоть как-то удобно двигаться, и тем более воевать, лично для меня оставалось загадкой, обязательные шляпы разного фасона с перьями, разной ценности, а у самых продвинутых – парики. Где-то читал, что, вроде бы по этим шляпам их и отличали друг от друга. Ну и по разговорам, ежели не по-русски говорит, значит, условный враг. Почему условный? Да потому что от иностранцев в Россий-

ской армии было не протолкнуться, как по мне, так своих надо было выращивать, а не по миру не самых крутых, надо сказать, вояк собирать. Потому что, кто тебе самым самым отдаст-то? Когда самому могут пригодиться, даже, если провинились в чем-то не слишком уж вопиющим. У этого же типа зверской наружности, кстати, был парик нахлобучен, ну такой, белый с крысиным хвостиком и обязательной черной летной.

Я как замороженный смотрел на его приближение, лишь краем сознания, которое сейчас билось в панике от непонимания происходящего, отмечая, что зацикливаюсь на таких странных предметах как парик, как имя Корфа лишь бы продолжать не думать о том, что вообще происходит.

Стукнула дверь, и я, оглядевшись по сторонам, понял, что нахожусь в комнате наедине с этим дюжим мужиком, вроде бы его второй, имени которого я так и не услышал и который поспешил выйти из комнаты, как только появился гренадер, называл Румберг.

– Ваше высочество, – вот это неожиданность. Вопреки моим ожиданиям, он говорил на жутко ломанном русском, а не на немецком, и к счастью, я его хотя бы понимал. – Надо ехать. – Я молчал, глядя на него, хлопая глазами. – Я помогу вам одеться. И нужно тренировать язык. Понимаю, что не хочется, но так надо. Тетя будет недовольна, если вы не сможете с ней общаться на этом варварском языке. Она чтит память отца и в вашем лице видит ему замену. Поэтому на

ее решение может повлиять ваша неприязнь, которую вы испытываете к ее стране и языку. Мне это тоже не нравится, но ваш дядя все равно не подпустил бы вас к шведскому трону. Боюсь, если бы мы не уехали, он решился бы пойти на подлость. Нужно смириться и принять этот удар судьбы. – Я понимал слова, каждое отдельное слово, но абсолютно не понимал, что он имеет в виду, и от этого хотелось забиться куда-нибудь в уголок и поскулить, потому что даже русский язык, который я, оказывается, должен тренировать, не добавлял мне понимания происходящего. Но Румберг ждал ответа, и я, откашлявшись, потому что у меня жутко пересохло в глотке, произнес.

– Хорошо, – Румберг кивнул, явно довольный тем, что я ответил именно что по-русски, и принялся вытаскивать откуда-то, я так и не понял откуда, камзол, парик, шляпу, сапоги... Нырнул куда-то под кровать и вытащил здоровенный горшок. Невольно нахмурился, глядя в него, затем решительно протянул его мне. Я сначала не понял, что Румбергу надо, но, когда до меня дошло... Первым порывом было полное отрицание, потом пришел гнев, вот только справлять нужду все равно пришлось, мы куда-то едем, и у меня сложилось впечатление, что ради меня никто особо останавливаться не намерен, несмотря на «Высочество», так что все остальные стадии пролетели мимо, остановившись на принятии. Под пристальным взглядом слуги, а ни кем иным этот дюжий Румберг, таскающий ночные горшки и помогающий

одеваться, просто быть не мог, делать это было неудобно, хорошо еще, что тело отреагировала вполне адекватно, видимо, это было для него нормальным процессом.

К тому же справление нужды, помогло мне понять несколько моментов. Ничто не укажет на возраст мужчины лучше, чем развитие его самых важных и бережно охраняемых частей тела. Если, конечно, нет никаких физических отклонений. У меня никаких отклонений не было. Судя по всему, я – подросток, вполне развитый, вот только общее физическое развитие оставляет желать лучшего. По-моему, я в восьмом-девятом классе покрепче был, чем это хрупкое тело с тонкими костями. Заправив свое хозяйство куда надо и затянув все веревочки и шнурки, специально развязывал все это очень медленно, чтобы запомнить, как потом вернуть назад, огляделся в поисках какого-нибудь тазика с водой, чтобы руки сполоснуть. Шиш, не было здесь ничего похожего, и я с брезгливостью посмотрел на свои тонкокостные лапки, покрытые тонкой бледной кожей, которые были грязными еще с того момента, когда я завалился на пол.

Румберг невозмутимо выплеснул содержимое горшка прямо в окно, открыв которое, впустил немного свежего морозного воздуха в комнату. Хоть в комнате и не было жарко, только после того, как я глотнул этот уличный воздух, понял, что здесь он был чудовищно спертый, да еще и воняло чем-то кислым и протухшим. Словно недалеко особо ароматный бомж расположился. Румберг же просто поставил горшок

обратно под кровать, не удосужившись унести и сполоснуть, если уж в комнате воды не было. Ясно, почему здесь воняет, посудину-то, похоже, никто никогда не мыл и мыть не собирается. Как-то запоздало до меня дошла информация про то, куда именно было вылито содержимое ночной вазы.

Румберг тем временем подошел ко мне, неся в руках ворох одежды. Долго глядя на парик, с истеричным хохотом внутри отмечая, что именно эти предметы туалета почему-то вызывают у меня какую-то не совсем здоровую реакцию, я покачал головой, дотронувшись до головы.

– Нет.

– Но, ваше высочество...

– Нет, – и я еще интенсивнее закачал головой, думая, что никогда в жизни не надену эту гадость, в которой скорее всего полно вшей. От одной только мысли об этом зачесалась голова и только осознание того, что руки грязные, не позволило мне запустить их в голову, чтобы интенсивно почесать зудящееся место. Румберг тяжело вздохнул и как ребенка быстро и ловко напялил на меня сапоги, поднял, засунул в камзол, и... в общем-то все. Ни тебе умыться, ни даже сменить рубашку, учитывая, что в этой я на постели, полной клопов спал, а потом на грязном полу валялся. Но как-то реагировать еще и на это у меня просто не было сил, и я покорно позволял ему наряжать меня, как девчонки наряжают кукол, вертя при этом из стороны в сторону.

– Очень хорошо. А теперь спустимся к завтраку и поедем

дальше. И не забудьте, что вы не Карл Петер Ульрих владетельный герцог Гольштейн-Готторпский, а граф Дюкер.

Я слегка завис, услышав, наконец, свое имя. Это имя, не граф Дюкер, а Карл Петер и так далее я знаю, учил в школе, и в последнем просмотренном сериале, добрую половину которого я проспал, так звали одного из главных героев. Это был сериал про Екатерину, которая в то время еще не была Великой, а всего лишь сперва невестой, а потом женой вот этого Карла Петера, которого звали Петр Федорович, и он являлся наследником престола, у своей тетки императрицы Российской империи Елизаветы Петровны. Вот знал бы, что это мне когда-нибудь пригодится, не спал бы, делая вид, что смотрю, в угоду Таньке, а смотрел бы на самом деле, да еще и пересматривал бы, пытаясь запомнить какие-нибудь детали. Вот только знание, что меня почему-то называют этим самым Карлом Петером, помогло не так чтобы сильно в осознании происходящего. К тому же по имени меня никто не называл, предпочитая «Ваше высочество».

Завтракать полагалось в зале куда спустились по шаткой деревянной лестнице, настолько неудобной, что я не смог пересилить настоятельную потребность вцепиться в перила, чтобы не навернуться с этого шедевра неизвестного зодчего и не свернуть шею.

Стол был, не то чтобы грязный, но с толстым слоем въевшегося в дерево жира, пива и хрен знает, чего еще. Ну это и понятно, я покосился на грудастую служанку, у которой

грудь едва не вываливалась из выреза, которая возюкала тряпкой, намоченной обычной водой по соседнему столу. Конечно, без химии тут не слишком-то обойдешься. Но можно же не ждать, когда слой всякой дряни нарастет, а вон, как тот паренек постоянно поступать, который скоблит сейчас стол у окна ножом. Наверное, там из-за наростов уже структура дерева не просматривается, вот и заставили все соскоблить.

Разум продолжал цепляться за какие-то несущественные детали, чтобы не сильно акцентироваться на внешних раздражителях, из-за чего я никак не мог понять, почему моя рука, например, такая узкая, бледная, на которой хоть и имеются подушечки мозолей, но они какие-то мягкие, вялые, как и вся эта рука. Ведь по идее Карл Петер должен был как минимум уметь ездить на лошади, да и фехтованию его должны были учить, или не должны были? Герцогов учили этому, или нет? Я что-то запутался. Захотелось обхватить голову руками, сдавить ее посильнее и... проснуться, мать вашу! Проснуться хоть где в знакомом мне мире, пускай в сугробе наполовину обмороженным, ничего, прорвемся. Мне, чтобы инженером при нефтеперекачивающей установке сидеть, все конечности в целостности не нужны, а протезы сейчас делают очень качественные. Я даже к этому готов, только, чтобы вот этот кошмар, наполненный немецкой речью, которую я не понимаю, наконец, прекратился.

К счастью, общаться со служанкой мне не пришлось, ина-

че, сопровождающие меня лица уже поняли бы, что я не понимаю ни слова, о чем мне говорят, обращаясь ко мне или хотя бы к той же служанке. За столом мы сидели втроем: я, Корф и тот второй, который позвал Румберга.

Принесли завтрак: свиные ребра с кислой капустой, обжаренные так, что казались пригоревшими, хлеб, масло, сыр. Большой кувшин с пивом, но как бы не хотелось пить, к пиву я так и не смог заставить себя притронуться, хотя, прислушавшись к реакции тела, отторжения не почувствовал. Вот это мне точно не понравилось, я был не особым любителем выпить, а уж мальчишке моего возраста это вряд ли было полезно.

– Герцог опять ничего не ест? – Корф проговорил это между обглаживанием ребрышка и шумным запиванием кушанья прямо из кувшина, который стоял перед ним. К слову, перед каждым их нас стоял такой кувшин. – Берхгольц, ну хоть вы попробуйте на него повлиять. Вроде бы вам удалось найти с ним общий язык. Вы же были его наставником и воспитателем в конце концов.

– И это занятие, надо сказать, никогда не приносило мне удовлетворения. Что касается общего языка, который вроде бы нам с Брюммером удалось найти, когда мы воспитывали его как истинного солдата и офицера, то он потерялся где-то между Фленсбургом и Берлином, – пренебрежительно произнес Берхгольц. Я же напрягся на этих словах, сжав и потом медленно разжав кулаки под столом. Ах ты гнида немец-

кая, воспитание как истинного солдата включает в себя порку двадцать четыре на семь и всяческую муштру. Ты что же над ребенком издевался, тварь? Неудивительно, что это тело такое прозрачное, просто эльф эфемерный, мать вашу, а не полноценный подросток. А что еще вы делали? На горох поди ставили? Это самое распространенное наказание было в эти времена, если мне память совсем не отказывает. – У его высочества весьма непростой характер. Полагаю, императрице Елисавете придется с ним тяжело.

– У нее просто выбора нет, – пожал плечами Корф. – Или он, или Иван, а на последнее ее величество никогда не пойдет.

– Тем не менее, свергнутый император все еще жив, – понизив голос, заговорщицки проговорил Корф.

– Я же уже сказал, у нее просто нет выбора. Или она находит нужные слова и сумеет достучаться до герцога, или будет ждать, когда у него родится сын, и, поверьте, мой друг, ждать она этого не будет долго. Или же... всегда должен быть припрятан туз в рукаве, запасной вариант. Елисавета не так глупа, как о ней любят порой говорить завистники.

Как же я понимаю Карла Петера, который вроде бы ни с кем ужиться не мог. У меня под столом руки сами собой в кулаки сжались. Его ведь никто не воспринимает всерьез. Вместо того, чтобы учить герцога языку страны, которой ему в перспективе предстоит править, эти посланники Елизаветы только и могут, что использовать этот самый язык для зло-

словия, и, пользуясь тем, что герцог не понимает, о чем они говорят, поливать его грязью прямо при нем. Так и хотелось вскочить и заорать: «Сюрприз! Что, суки, не ждали?». Ничего такого я, конечно же, не сделал, и просто продолжал сидеть, гипнотизируя взглядом стол. О каком императоре они говорят, мерзко хихикая? Что за император? Между Анной Иоановной и Елизаветой что, какой-то император еще был? Не помню, может и был, потому что память, которую я напрягал так, как никогда прежде, подкидывала мне имя Анны Леопольдовны. Хоть убей не помню, кто она такая, но вроде какое-то отношение к трону она имела.

Мои сопровождающие, наконец, наелись и принялись подниматься из-за стола. Я же, внезапно, сам от себя такого не ожидая, схватил хлеб и сыр и поднялся, не выпуская их из рук.

– Eure Hoheit,* – Корф удивленно посмотрел на меня, но я повыше задрал голову и направился к двери. Выйдя на улицу, я сразу ощутил, что не май месяц.

Было очень холодно, и камзол не грел от слова совсем. Ко мне тут же подскочил Румберг и на плечи лег плащ, подбитый каким-то мехом, а на голову опустилась треуголка. Похоже, что только этому слуге есть до меня хоть какое-то дело. Стало немного теплее, но не настолько, чтобы перестать ежиться. Тем более, что сапоги были не слишком хорошей заменой зимних ботинок, выстланных изнутри толстым теплым мехом, или на худой конец валенок. Ждать чего-то, стоя

на ветру, прижимая к груди хлеб с сыром, пришлось недолго. Вскоре подъехала карета, и Румберг помог мне расположиться на сиденье, укрывая ноги тяжелой рогожей, засунув под нее горячие кирпичи, которые специально притащил откуда-то. После этого, сунул мне в руки баклажку, открыв которую, я обнаружил кислое вино, так сильно разбавленное водой, что вкус ощущался как кислинка. Когда я благодарно кивнул ему, он закрыл дверь кареты, оставив меня наедине со своими мыслями, в полумраке этого жутко холодного средства передвижения.

Щелкнул кнут, раздалось лошадиное ржание, густо разбавленное криками на немецком, и карета, качнувшись на рессорах, тронулась. Понятно, значит, кроме меня в ней никто не едет. Ну круто, чего там. Во всяком случае, у меня есть время, чтобы подумать.

* Eure Hoheit – Ваше высочество;

** Eure Hoheit, wacht auf, es ist Zeit aufzustehen – Ваше Высочество, проснитесь, пора вставать;

*** Eure Hoheit, wir müssen los – Ваше Высочество, нам пора.

Глава 2

Я замерз как собака, да и к тому же мои опасения подтвердились, ради меня никто останавливаться не собирался, и плевать, что пацан может захотеть в сортир, что кирпичи давно остыли, хотелось есть и пить. Никто даже не потрудился поинтересоваться, может быть, мне что-нибудь нужно? Хоть что-нибудь, собеседник, элементарно, чтобы я тут не занимался «фантазиями», как эта скотина Бергхольц соизволила выразиться.

Я давно уже сгрыз тот хлеб и сыр, которые захватил с собой из таверны, подозревая, что это будет единственная моя еда на довольно длительное время. Подкрашенная вином вода в небольшой фляжке давно закончилась. И да, мне хотелось в туалет, хотя я просто не представлял, как буду переставлять окоченевшие ноги, и смогу ли вообще вылезти из кареты самостоятельно. Из-за холода клонило в сон, но я боялся спать, прекрасно помня, к чему привело одно такое засыпание на морозе. Чтобы хоть как-то согреться, я принялся обследовать карету. На противоположном сиденье обнаруживалась небольшая коробка, в которой я нашел кучу фигурок, игрушечных солдатиков. Фигурки были сделаны из какого-то металла, я не смог определить из какого,

все-таки я не металлург. Выполнены они были очень искусно, просто поразительное следование деталям. Наверное, набор был очень дорогой и безусловно очень дорог мальчику, в чьем теле я сейчас пребывал, потому что руки независимо от меня гладили эти фигурки, повторяя пальцами мельчайшие формы. Что это было? Подарок отца или какого-то еще близкого человека, который ушел и уже никогда не вернется? Мне, если честно, было плевать. Я не этот мальчик и никаких эмоциональных привязанностей к герцогству с непроизносимым названием, да и ко всему немецкому, я не испытывал. Мне даже их машины не так чтобы нравились, еще там в прошлой моей жизни. Повертев в руках эту совершенно ненужную мне вещь, я снова бросил коробку на сиденье в угол, где она и лежала до этого совершенно незаметная. Лучше бы книга какая была, желательно на русском языке. Света здесь хватало, чтобы попытаться заняться самообразованием. Тем более, что герцога вроде начали учить языку, только как-то спустя рукава, надо сказать. От довольно интенсивных движений, которые мне пришлось совершать, чтобы перебираться по карете, я хоть маленько согрелся. Во всяком случае, в сон меня вроде бы уже не клонило.

За время пути, пока я замерзал, трясясь в этой карете, у меня было время, чтобы подумать над своим положением. Я принял тот факт, что не сплю, не сошел с ума и не лежу в реанимации под наркотой, ловя красочные глюки. Значит, я попал. Уснул в тайге, замерз насмерть и по какой-то бо-

жественной надобности или инопланетной, или... да какая разница почему, проснулся в немощем теле будущего Петра III. При этом никакой информации от тела, кроме некоторых чисто рефлекторных реакций я не получал, видимо, хозяин этого тела не захотел больше бороться со скотскими условиями и отвратительным обращением и ушел, надеюсь, что в лучший мир. Меня везут в Россию к тетке Елизавете, которая Петровна. Из плюсов – я знаю русский, возможно и говорю сейчас с акцентом, но тут помогут тренировки. Помню, как с логопедом в детстве занимался и язык сам себе при этом в зеркале показывал, так что не страшно «обрусею» со временем. Меня же там, куда я еду не знает никто, точнее никто не знает маленького герцога, от слова совсем. Это дает преимущества в том плане, что, чтобы я не делал, какие бы ошибки не совершал, всем будет плевать, потому что никто никаких странностей не заметит. Из минусов – я все же не знаю немецкий. Совсем. Вообще. И вот это может вызвать некоторые подозрения. Что делать? Нужно, во-первых, ограничить круг своего общения до минимума. Пускай, это будет Румберг. Он все равно настаивает, чтобы я пытался говорить на русском и его мои старания не удивят. Эти, так называемые воспитатели, которые меня сопровождают – их надо отправить на хрен. Всех. А, судя по тем вещам, которые я видел во дворе трактира, когда ждал свою карету, их больше, чем те двое, которых я уже, надо сказать, недолюбливаю. Вопрос только в том, каким образом это сделать. Хотя, мож-

но того же Румберга подключить. С его габаритами будет не его проблема, что господа что-то неправильно поймут. Все-таки по моему приказу будет действовать. Да и я буду знать, что, если послушается без лишних возражений и вопросов, то мое слово все-таки немного больше значит, чем этой свиньи Бергхольца.

Карета замедлила ход. Надо же, неужели решили все-таки посмотреть, что там с герцогом, не помер ли еще ненароком? Им же нужно меня живым в Питер привезти, про здоровым никто указаний, наверное, не давал, а то Елизавета Петровна сумеет сделать так, чтобы господам стало мучительно больно, и господа хоть это прекрасно понимают. Вот только, это их пренебрежение, на чем оно основано? Так могут себя вести лишь люди, долгое время знавшие подростка и которым подобное отношение к нему всегда прощалось. Тем более, нужно убирать их от себя.

Движение прекратилось полностью. Дверь открылась, и мне в лицо ударила пригоршня снега. Показался Румберг, а рядом мелькнули тени каких-то людей, ехавших верхом. Мимо прогрохотала еще одна карета. Понятно, в ней, наверное, мое, так называемое сопровождение едет.

– Ваше высочество, Берлин. Господин Корф сказал, что нам надо будет здесь задержаться на несколько дней. Что-то не так с подорожными. Да еще и Бракель так не вовремя Господу душу отдал, – да, конечно. Почему же он подлец не дождался нас, взял и помер, надо было потом, когда

мы уже уедем коньки отбрасывать. — Господин фон Брюммер займется бумагами, нам же предстоит переждать здесь в этой таверне.

И Румберг протянул мне руку, за которую я ухватился, вылезая из кареты. Вот я и узнал, что с нами точно едет какой-то Брюммер, которого я пока не видел. На улице была пурга, начинала подниматься самая настоящая метель. Карета стояла рядом с очередным постоялым двором, который сразу же вызвал у меня изжогу. Радовало, что, вроде бы мы все-таки находились в городе, а не посреди поля, как было на предыдущем месте стоянки.

Ветер хлестнул мне по лицу и чуть не сорвал с головы треуголку, за которую я уцепился, чтобы совсем не остаться без тепла. При этом движении слегка разошелся плащ, который по какой-то неведомой мне причине застегивался на одну пуговицу под горлом и горсть снега залетела под него, от чего по телу побежали мурашки и стало еще холоднее, хотя мне казалось, что уже просто некуда.

— Scheiße! Teuflische das wetter!* — я замер. Чего? Это что, я сказал? Но... Бред какой-то. я не понимаю, когда обращаются ко мне, а сам, вон, поди ж ты, выругался вполне даже по-немецки. Это было неосознанно, на уровне рефлексов, как то поглаживание солдатиков или попытка избежать прикосновений Бергхольца, словно он меня... словно эта свинья поднимала на маленького герцога руку. Та-а-ак. Нужно срочно найти какую-нибудь книгу, но уже на немецком. Мо-

жет мой разум и не выучит этот язык быстро, но, мозг-то его уже знает, информация записана на какой-нибудь извилине, как га жестком диске, значит, нужно просто помочь ее извлечь оттуда, и это позволит мне «вспомнить». Уф, это уже хорошо. Хорошо, что есть возможность единственный минус убрать. Но, воспитателей, мать их, лучше все же убрать от меня подальше, а то я далек от пацифизма, могу и навалить от души. Только поправлюсь немного, да форму какую-никакую приобрету.

– Bonjour, monsieur**, – резко развернувшись, я увидел девочку лет десяти-двенадцати, кутающуюся в темную накидку. Из-под капора выбивалась непослушная прядь светлых волос, и в целом она была довольно миленькая. Скорее всего, она ждала свою карету, но образовавшаяся пробка заставила нас обоих стоять на улице, на этом жутком ветре, и она просто решила поболтать с незнакомцем. Слава Богу, я знаю французский.

– Bonjour, mademoiselle***, – я улыбнулся, видя, как заиграли ямочки на щеках девочки. Видимо, она не ждала, что я отвечу.

– J'apprends le français et j'ai besoin de pratiquer****, – быстро проговорила она, а я только сейчас обратил внимание на то, что она одета не слишком богато.

– Je suis heureux de pouvoir vous aider*****, – я снова улыбнулся.

– Фике, Фике! – раздалось откуда-то из бурана.

– C'est l'heure d'aller*****, – она скорчила гримаску, а я внезапно поддался порыву.

– Подожди, – даже не осознавая, что сказал это по-русски, я открыл дверь кареты, которая все еще стояла здесь, потому что впереди образовался небольшой затор. Вытащив коробку с солдатиками, протянул ее девочке. – Вот, держи, они тебе больше пригодятся. Продадите в случае чего. Они дорогие, а вы, я погляжу, небогаты. – Она растерянно улыбнулась и покачала головой, говоря тем самым, что не понимает меня. Я же еще настойчивей протянул коробку. – Ну же, держи.

– Фике! – тогда она взяла, наконец, проклятую коробку, от которой я просто мечтал избавиться в тот самый момент, когда взял ее в руки, сделала книксен, и побежала на зов.

Я же покачал головой. Какой непосредственный ребенок, и не побоялась же подойти... Черт, опять забыл, что я уже не стокилограммовый мужик, а хрупкий подросток, которого похоже не кормили никогда. Куда уж меня бояться. Ладно, это всего лишь эпизод возле таверны, который скоро забудется. Зато от этих дерьмовых солдатиков избавился и то хлеб.

Карета тронулась, и я едва не упал, потому что держался в это время за дверцу. Да черт бы вас всех подрал! Уроды! Что лень было назад посмотреть, чтобы не переехать кого-нибудь ненароком? Пихнув дверь, которая качнулась и захлопнулась, я обернулся к подошедшему ко мне Румбергу.

– Ваше высочество, извините за задержку, все комнаты

были заняты, но сейчас одна семья съехала, и мы может пройти наверх.

– Румберг, – я тронул его за рукав. – Я хочу, чтобы ты сегодня оставался со мной. Хочу практиковать русский.

– Но, ваше высочество... – я покачал головой.

– Граф Дюкер, Румберг, ты сам забыл? – он не сдержался и сплюнул. Видимо Румберг не был слугой, и недавно переведен в эту должность. И это опять-таки хорошо.

– Конечно, ваша светлость, как я мог забыть? Господа Бергхольц и Брюммер будут недовольны.

– Мне все равно, – я равнодушно пожал плечами. – Пусть выразят недовольство в письменном виде. Я не хочу никого из них видеть, это понятно?

– Понятно, ваше... ваша светлость, – и Румберг очень серьезно кивнул головой. Похоже, я был прав, и отношение воспитателей к герцогу заметил даже слуга.

– Принеси еду в комнату и какую-нибудь книгу, если это вообще возможно.

– Хорошо, ваша светлость, я сделаю, как пожелаете, – он легко поклонился и резко выпрямился, глядя куда-то поверх моей головы. Я повернулся в направлении его взгляда и непроизвольно вздрогнул, ко мне широко шагая приближался Бергхольц.

– Пошли, – прошипел я, и показал пример, поворачиваясь к двери постоянного двора.

Румберга не пришлось просить дважды. Он быстро от-

крыл передо мной дверь и вошел внутрь, пропустив меня вперед. Таверна никак не отличалась от той, в которой я проснулся. Те же покрытые непонятно чем столы, тот же острый запах гари, вперемешку с перегаром и застарелым потом. М-да, хорошо еще что у пацана желудок крепким оказался, не блюет от такого неповторимого аромата. Хотя, может быть, он просто привык. Вот чего я боялся куда больше, чем запахов, так это клопов, но что сделать в этой ситуации, я просто не знал.

В таверне было тепло. Но, начав отогреваться, я почувствовал, что меня затрясло. Вот только заболеть не хватало для полного счастья. Румберг тем временем вынырнул откуда-то сбоку и кивнул мне, приглашая проходить за собой.

Поднявшись наверх по шаткой скрипучей лестнице, я оказался в комнате, близнеце той, которая была до нее. Вот только эта комната оказалась чистой, а над кроватью присутствовал балдахин. Каждая ножка кровати стояла в плошке, заглянув в которые, я увидел воду. Ага, это должно уменьшить количество насекомых, вылезающих ночью, чтобы пожрать. Хорошо, может быть, я сумею выспаться. Меня снова пробила дрожь. Надо что-то делать.

– Румберг, вот что, принеси большой таз и кипяток, а еще горячий пунш. Я замерз, мне нужно согреться, – отдал я распоряжение вошедшему следом слуге.

– Пунш, это можно понять. Но таз? И кипяток? – он удивленно уставился на меня.

– У меня ноги как лед, я хочу их в горячую воду засунуть, чтобы согреть. Да воды простой не забудь, чтобы не совсем уже в кипяток пятки совать. И поесть что-нибудь, – в ответ на этот приказ живот протестующе забурлил.

– Вы стали лучше говорить по-русски, ваше... ваша светлость. Вы практиковались? – Румберг наморщил лоб, пытаюсь понять, как так произошло.

– Ага, в карете. Мне же надо было что-то делать, когда я там один сидел, – я дрожащими руками пытался расстегнуть проклятую пуговицу на плаще.

– Это очень, очень похвально, – одобрительно кивнул Румберг.

– Я знаю, – пробормотав, я поднял на него взгляд. – Что мне нужно сделать, чтобы ты уже пошел выполнять приказ?

– Конечно, ваша светлость, уже бегу, – и он открыл дверь, столкнувшись с Корфом. – Ваша светлость, а барона Корфа вы тоже не хотите видеть?

– Барона Корфа, говоришь? – я задумался. По тому разговору было в принципе ясно, что этот самый Корф, скорее всего, и был за мной послан. Потому что он постоянно обращался к Бергхольцу по любому поводу, если это касалось меня, так что, к моим воспитателям он отношения точно не имеет. Только вот надо ли ему показывать, что я понимаю русский язык и лишить себя тем самым уникальной возможности подслушивать, что они говорят? А, с другой стороны, Румберг меня только что сдал, обращаясь как раз-таки на

великом и могучем. Ну тут все ясно, мышцы, рост, ума бы побольше кто отсыпал. А, с другой стороны откуда-то он все-таки выучил русский. Значит, не такой уж и тупой. И мне край надо с кем-то поговорить. Чтобы хотя бы иметь представление о том, что вообще вокруг происходит. – Ладно, пускай зайдет. Но только один. Остальных я видеть не желаю.

Корф зашел, настороженно оглядываясь по сторонам. Невысокий, склонный к полноте, еще в общем-то нестарый мужчина смотрел на меня настороженно.

– Ваше высочество... – проговорил он по-русски, когда дверь за его спиной закрылась. – Вы не говорили...

– Ваша светлость, – перебил я его. Сейчас, когда я прислушался к себе, то понял, что произношу слова действительно с тяжелым немецким акцентом: рубяще, акцентируясь на рычащих звуках. Сейчас пойдет, а потом надо все-таки исправлять, не хочу, чтобы меня за немчуру постоянно подписывали. – Я граф Дюкер, вы не забыли?

– Да-да, граф, извините, – Корф протер лоб платком и, не дожидаясь моего приглашения, опустился на стул. Я невольно нахмурился и сложил руки на груди, но ничего не сказал. Кто его знает, может быть барон вполне может перед герцогом рассиживаться. – Вы не говорили, что практикуете русский язык, хотя того же Румберга я к вам приставил, потому что ему довелось служить в Российской империи, и он вполне может с вами говорить на этом необычайно сложном

языке...

– Бросьте, барон, – я снова принялся расстегивать плащ, и на этот раз мне это удалось. Аккуратно повесив плащ на спинку стула, я швырнул треуголку на стол, и Корф, проследив за ее полетом перевел взгляд на мои волосы, не покрытые париком, невольно приподнял брови, но никак не прокомментировал то, что увидел. – Вы сейчас начали блять что-то только потому, что внезапно осознали одну вещь, я прекрасно понимал все это время, как вы злословите обо мне, но ничего, я не в обиде. Буду. И даже тетке не расскажу, если вы меня хорошо об этом попросите. И о том, как вы о ней довольно-таки неуважительно отзывались, и про незаконно свергнутого императора...

– Тише, ваше высочество, тише. Успокойтесь, – Корф оглянулся на дверь. – Поверьте, я не хотел ничего плохого ни говорить, ни делать. Это все Бергхольц, да, это он. И еще Брюммер.

– Конечно, барон, я вам верю, – я улыбнулся и сел напротив него, пристально разглядывая. Нет, он точно приехал за мной и со всей этой шайкой-лейкой дел никаких не имел. А вот Елизавету я не зря упомянул. В одном старом сериале про смазливых мальчишек из навигацкой школы проходила идея о том, что Елизавета очень мнительная, злопамятная и очень не любит, когда о ней плохо говорят, даже просто в салонах болтая. И что именно при ней Тайная канцелярия стала поистине очень непростой и страшной организацией. Ко-

нечно, сейчас она только-только на трон вскарабкалась, но в этом и вся соль, сейчас ей точно не нужны разные заговоры, а подобные речи, вполне за заговор можно выдать. Можно же сказать, что они не просто говорили о императоре каком-то, еще бы узнать каком именно, а, допустим, сожалели, что вот так вот вышло. Ну же, подтверди, что я прав. Или опровергни. Мне любая информация сейчас ой как пригодится.

– Ваше высочество, вы неправильно меня по...

– Я-граф, барон. Хватит уже путаться, или я решу, что вы специально хотите меня выдать, несмотря на то, что мы едем инкогнито, – я продолжал внимательно изучать его лицо.

– Да, конечно, граф, вы правы, просто очень сложно к этому привыкнуть. И вы ошибаетесь, я всегда весьма уважительно относился к вам и к государыне Елизавете Петровне. И даже не столь важно, что мы в какой-то мере с ней родственники, я женат на племяннице государыни, как вы, наверное, знаете. – Нет, я об этом не знаю. Вот только в таких делах дальних родственников подозревают обычно гораздо больше, нежели простых малознакомых людей.

– Я не понимаю, какое отношение имеет ваша племянница, барон, к тому, о чем вы с тем же Бергхольцем так воодушевленно сплетничали, – я развел руками. – Нет, не понимаю.

– Ваш русский язык выше всяких похвал, хм, граф, – снова увел разговор в сторону Корф. Да что ты крутишься-то так, как уж на вертеле? Дипломат что ли?

– Я стараюсь, барон. Вы даже не представляете себе, как сильно я стараюсь. Я ведь так хочу понравиться тете, – лишь бы убраться подальше от Бергхольца и ему подобных, добавил я про себя.

– О, это я могу себе представить, ваше... граф. Но, чтобы понравиться государыне, вы же не будете расстраивать ее сплетничая о том, что слышали случайно и, из-за своего нежного возраста, не так поняли? – точно дипломат. Только не слишком умелый. Я же тебе уже чуть ли не в прямую на взятку намекаю, нужно же понимать. Может вот прямо так взять и сказать, мол, ты мне все будешь всю дорогу рассказывать про ближайшее окружение Елизаветы без прикрас, а я так и быть, притворюсь, что у меня пробки серные в ушах были и я ничего не слышал. Или так грубо и прямолинейно нельзя? Вот только я к политесам не приучен, придется привыкать. Но как же это тяжело, кто бы знал.

– Наоборот, барон. Мне нужно рассказать тете все-все. Чем меньше будет между нами тайн, тем лучше мы поладим, ведь так всегда происходит, разве нет?

– Я не могу с вами не согласиться, граф, но иногда необходимо делать малюсенькие исключения. У всех родственников всегда были друг от друга маленькие тайны, – уф, ну слава Богу, до него, кажется, что-то дошло.

– Это... весьма спорное заявление, – я задумчиво провел пальцем по губам. Это не моя привычка, а снова реакция тела на задумчивость, но Корф принял ее нормально, значит,

так и должно быть. — А вот если бы вы меня, барон, просветили насчет того, что любит государыня, чего она не любит, какие люди ее окружают, тогда бы я, возможно, понял бы, почему ее нельзя расстраивать рассказами не слишком приятными.

— Это очень хорошая мысль, ваше... эм, граф, — Корф слабо улыбнулся. — Я с удовольствием займусь вашим обучением, и упражнениями в русском языке.

— Отлично, барон, я так рад это слышать, — в этот момент дверь открылась, и вошел Румберг с кувшином в руках. За ним шел какой-то тип, тащивший котелок от которого шел пар. Под мышкой он нес таз, а во второй руке ведро с водой. — Вы останетесь со мной пообедать? — я посмотрел на Корфа, но тот покачал головой. Понятно, человеку надо подумать. Почему-то он думал, что везет этакого тугодума, чуть ли не дебила, а тут оказывается, что юного шантажиста. Ничего такие потрясения полезны. — Тогда не буду вас задерживать. Надеюсь только, что вы придете после обеда, и мы начнем уже наше... обучение, — он кивнул, нахмутив лоб, смотрел на таз, не слишком понимая, зачем его притащили. — И да, барон, надеюсь, что этот мой маленький секрет останется нашим маленьким секретом. Нужно же мне понять, как это работает, — он снова кивнул и на этот раз посмотрел на меня более внимательно, оценивающе я бы сказал. После чего вышел, оставив меня наедине с Румбергом, горячей водой и возможностью наконец-то полноценно согреться.

* Scheiße! Teuflische das wetter! – нем. Дерьмо! Дьявольская погода!

** Bonjour, monsieur – фран. Здравствуйте, месье.

*** Bonjour, mademoiselle – фран. Здравствуйте, мадмуазель.

**** J'apprends le français et j'ai besoin de pratiquer – фран. Я учу французский, и мне нужно попрактиковаться.

***** Je suis heureux de pouvoir vous aider – фран. Я счастлив, что могу помочь вам.

***** C'est l'heure d'aller – фран. Я должна идти.

Глава 3

Кроме Корфа, Бергхольца, и Румберга со мной ехали камер-интендант Густав Крамер, егерь Бастиан и тот самый Брюммер на которого все постоянно ссылались, когда что-то обсуждали, касаемого моей персоны, и которого я за все это время видел лишь мельком, он и не горел особым желанием со мной возиться, да и я не горел желанием с ним связываться.

Корф честно начал исполнять свои обязанности по просвещению меня по поводу русского императорского двора. Вот только, как оказалось, сам он там бывал редко и еще не вполне освоился при дворе Елизаветы, который только-только создавался, и перестановки там шли полным ходом. Его же в самый разгар этих перестановок отправили за мной, и он не в курсе, что там сейчас творится. Единственное, что он мог точно сообщить – это Разумовский. Вот это был столп, который, похоже, никто своротить не сможет. Пока во всяком случае. Ну, может только Шувалов, которого поехали искать в ссылке. Но здесь возможны варианты. Все-таки Шувалов – бывший, а Разумовский... О-о-о, Разумовский нынешний и самый настоящий. Говорят, что они даже тайно обвенчались, – и Корф при это мне подмигнул, мол, понятно же, кто именно обвенчался, правда ведь? Правда, это даже я

знаю. А еще я знаю, что подтверждения этому не нашлось. Как и не нашлось подтверждения тому, что княжна Тараканова дочь Елизаветы и того самого Шувалова. В конце концов наши посиделки стали больше напоминать встречу двух заядлых сплетников. Но лучше уж так, чем вообще не получать никакой информации.

От Бастиана я начал шарахаться уже на второй день моего пребывания на постоялом дворе. Все дело в том, что егерь, я до сих пор не могу себя убедить в том, что это правда, но получалось, что именно так оно и было, учил играть герцога на скрипке. Мать твою! Егерь учил герцога играть на скрипке! Это, вообще, как такое возможно? Не какой-то там Моцарт или на худой конец Сальери, хотя я не помню, когда они жили, но неважно, а, мать вашу, егерь! В общем, когда я об этом узнал, то сказался больным. Благо, с моим внешним видом и придумывать ничего сильно не пришлось. И то, как же он сокрушался, что бедный мальчик пропустит занятия, от которых души не чаял. Теперь я понимаю, почему именно над этим императором до сих пор измываются в плане его несостоятельности даже в моем бывшем временном промежутке, да потому что, его, мать вашу, играть на скрипке учил егерь! Нет, я не спорю, возможно, сам Бастиан играл просто волшебнo, я, правда, не спорю, но как он мог кого-то научить играть, если не посвятил музыке, музыкальной грамоте, сольфеджио, чему там еще, половину своей жизни? Как он мог научить играть меня, то есть герцога, правильно? Они

бы, суки, еще французскую куртизанку приставили ко мне, чтобы историю Франции с ее помощью изучать. Нет, язык бы я точно выучил, и даже более того, но вот к истории Франции появились бы вопросы. А пока у меня очень много вопросов появилось к родственничкам, и ни дай бог, кто-то из них мне чуток попозже попадется, когда я хоть немного в силу войду. А ведь я злопамятный, всегда таким был, и то, что в такую ситуацию угодил, не сделало характер лучше.

Вторым интересным открытием было то, что я, оказывается, претендовал сразу на два престола: на русский и на шведский. Но, претендовать на оба одновременно я не мог, конфликт веры, чтоб ее. А жаль, как же жаль-то на самом деле. В этот нюанс меня посвятил все тот же Корф, причем просто выболтал подробности, включая подробности про дядю, епископа, потому что, вроде бы, я должен был знать подобные вещи. И вот тут-то и появился вопрос к моим родственничкам: а какого спрашивается гриба, такого породистого герцога ничему толком не учили-то? Почему я подсознательно только на немецкий матерный как надо отреагировал? Наследник двух корон должен уже в свои тринадцать лет, а мне было, оказывается, именно столько, знать кучу вещей, а не играть в солдатики, дороже которых и мальчишки похоже, только этот сюртук явно военного образца был, который надоел мне до колик и, глядя на который у меня было только одно желание – сжечь его к такой-то матери. Только вот я сомневался, что у меня есть замена. Потому что за

три дня свежей рубахи мне никто не подал, и сколько я ее до этого носил – история умалчивает. Но насчет учебы – это да, сэкономили на наследнике знатно, вон, егерь на скрипочке учил играть. Короче, к концу второго дня я понял, что у меня подгорают так, что еще немного и сорвусь, причем, учитывая мое эльфийское сложение явно в крутое пике, я и сказался больным.

Что касается дяди, вроде бы именно он становится наследником шведского трона, если я приму православие. Но вот вопрос, а как так получается, что православный парень не может стать королем Швеции, а епископ – вполне. Разве епископы, когда сан принимают, не отрекаются от всего земного, включая столь низменные вещи, как королевские короны? Этот вопрос нужно обязательно уточнить. Вдруг можно дядьке нервишки помотать. Просто за то, что так плохо со мной обращался все эти годы. И да, я уже говорил, что злопамятный.

Во всей этой ситуации было одно хорошо, когда я слег, картинно стоная с полотенцем на лбу якобы в лихорадке, меня на время оставили в покое, и я сумел восстановить кое-какие знания немецкого языка, который был для мальчишки родным и записан куда-то в подкорку в его черепушке. Для этого я заставил Крамера читать мне «Дон Кихота», перевод которого я более-менее знал и мог включать ассоциации. Кроме того, довольно тихий голос камер-интенданта убаюкивал, я переставал думать, у меня вообще высшая мысли-

тельная деятельность прекращалась, и включалась та самая подкорка, накладывающая немецкий на новую кальку, если можно это так назвать. К моему собственному удивлению, этот метод вполне работал, и уже в конце первого дня я мог немного общаться уже на немецком. Проблема заключалась в том, что я перестал дифференцировать, когда говорю по-немецки, а когда по-русски и вполне мог перескочить с одного языка на другой даже не задумываясь. Но я стараюсь изо всех сил, чтобы этот маленький промах убрать, пока он не закрепился за мной в качестве этакой фишки.

Кроме того, я составил для себя хоть маленько приемлемую диету, наказав Румбергу кормить меня только вот так и никак иначе, потому что от другого меня тошнит, рвет, пучит и вообще – понос, это такое дело, которое может сильно задержать нас в пути. А на улице зима, и частые остановки обязательно приведут к тому, что точно что-нибудь отморожу себе жизненно важное, когда буду сидеть с гордым видом и с голой задницей в сугробе. Кажется, Румберг поверил и проникся, во всяком случае, как-то саботировать мой приказ не решился.

Теперь я жрал пару вареных яиц, кашу, сдобренную маслом и теплый куриный бульон с отварным куриным мясом. Никакого вина, пусть и разбавленного до состояния испуга, только кипяченая вода. И никаких сосисок с кислой капустой и пережаренных свиных ребер. Это, конечно, где-то вкусно, но мне сейчас не до вкусоностей, мне бы выглядеть

начать на свои почти четырнадцать лет, и тут уж не до жиру.

Кроме всего прочего, я досконально изучил свое тело. Где-то слышал, что Петр III страдал фимозом, вроде поэтому долго не спал с женой. Так вот, похоже, что женушка про фимоз все выдумала. Потому что у меня настоящего была эта... хм... болячка. Лечилась просто – крайняя плоть, которая при фимозе слишком длинная и прирастает к головке одного очень важного для мужчины органа, не давая ей открываться, оттягивалась и хренакс – обрезание, в общем. Можно и без него, но больно и долго, и отдает онанизмом, постоянно теревить причинное место, сдвигая и отодвигая, ну, это такое дело, да плюс мыть надо под тем, что отодвигаешь, а чем, если даже для того, чтобы руки помыть, воды хрен допросишься? Так, о чем это я, ах, да, у герцога ничего с ревом отодвигать, чтобы помочиться не нужно, само все прекрасно отодвигается, так что, вопрос о болячках остается открытым, так же, как и о том, а, собственно, почему он с ней все-таки не спал? Но, вот об этом думать мне пока точно рановато.

На четвертый день уже под вечер ко мне в комнату ввалился, не постучавшись, Брюммер. Он вообще никогда не считал необходимым соблюдать со мной какие-то правила приличия.

– Вставайте, ваше высочество, – от него несло вином и раздражением. – Король Фридрих желает вас видеть.

– Зачем? – я невольно нахмурился, попятившись от на-

висшего надо мной дюжего обер-гофмаршала. Вот это совсем не смешно на самом деле и плохо поддается объяснениям.

— Я не знаю, его величество не отчитывался передо мной, просто передал приказ через своего адъютанта, — его раздражение усиливалось, и он уже протянул руку, чтобы вытащить меня из постели, в которой я, надо сказать, пригрелся, но тут появился Румберг, который пару раз кашлянул, привлекая к себе внимание, и отвлекая это самое внимание от меня.

— Господин обер-гофмаршал, его светлость прекрасно вас расслышал. И, если вы выйдете, то сборы пройдут куда быстрее, — ух ты, а ведь этот козел действительно бьет парня, это я понял, когда распрявился, после того, как Брюммер отошел от моей кровати. Я ведь вон как сморщился и напрягся. Тварь, конченная. Пацан-то тебя в пять раз меньше, нашел себе соперника, который почему-то молчит и никому о бесчинствах не говорит. Знать бы еще почему. Или это нормально, вот так воспитывать детей? И почему мне кажется, что нет, не слишком нормально.

Говорили мы по-немецки, и реакция тела герцога дала мне возможность применить свои новые знания на деле. К счастью, говорить много не пришлось, потому что я не был уверен в своих силах, но, хотя бы я понял, что они говорили.

Итак, мы едем к Фридриху, какому Фридриху? Ну же, голова, думай, какой сейчас Фридрих Пруссией рулит? А не тот ли этот Фридрих, которому один не слишком умный

парень все завоеванное теткой отдал взад и тем самым себе смертный приговор шелковым шарфиком подписал? Так, ладно, будем плясать от того, что тот самый. Номера я его не помню, прозвище вполне – Великий. Фридрих Великий. Точно. И зачем Великому видеть какого-то зачуханного графа Дюкера, мне кто-нибудь объяснит? Или это такой приколы с поездкой инкогнито? Типа игры, чтобы дети грома не боялись?

Пока я ломал голову, Румберг меня одел в тот же самый военный мундир. Я его точно сожгу, и вот пускай где хотят, там мне новую одежду достают. Опять плащ, треуголка, сапоги, который ни хрена не грели, и я готов ехать к королю.

Замерзнуть на этот раз я не успел. Дворец оказался близко от того места, где мы остановились. Оказалось, что пригласили графа Дюкера с сопровождением послушать домашний концерт, который давал сам Фридрих. Он играл на флейте, а все остальные дружно должны были восхищаться. Но я так и не понял, зачем сюда позвали меня? концерт-то был для весьма ограниченного круга лиц.

Женщин в зале было мало, по пальцам можно пересчитать, в основном одни мужчины, и почти все они в военных мундирах, так что я практически ничем, кроме возраста от них не отличался, а королеву я вообще не увидел. Судя по перешептываниям, она где-то в другом месте обитала и с мужем практически не пересекалась. Понятно, почему у них детей не было, трудно детей на расстоянии завести. Это, ес-

ли не учитывать те сплетни, которые про Фридриха ходили, в плане его пристрастий. Уже в середине вечера я захотел в туалет, но вставать, когда сам король играет на флейте, было вроде бы не принято, поэтому я терпел, пока он не закончит свою игру. Музыка меня не впечатлила, я немного другое всегда предпочитал слушать, поэтому, я принялся украдкой рассматривать приглашенных. Плохо, что я не знал, как кто выглядит, и даже, если рядом со мной на жестких стульях сидели известные люди, то я их все равно не узнал. Но одно я понял очень хорошо, почти всем им было плевать и на музыку, и на короля. Они сидели и делали вид, что слушали, а на самом деле многие откровенно скучали. Просто праздник лицемерия во всей его красе, даже противно стало.

Наконец, музыка оборвалась на каком-то пронзительном аккорде, и все заплодировали. Кто-то даже встал, только-что: «Браво!» не кричал. Я же наконец получил возможность найти туалет. А вот это, оказалось совсем неразрешимой задачей. Те слуги, которых я видел в коридорах чаще всего проносились мимо, и я не имел возможности их затормозить, чтобы напрямую спросить о том, что мне было нужно. В конце концов, чтобы избежать конфуза, я просто открыл первую попавшуюся дверь. если там будет какая-нибудь гостевая спальня или нечто подобное, то уж горшок под кроватью я точно найду. Ну а то, что он по итогу будет полный, это уже не мои проблемы, решат, что прислуга намудрявила, они все равно эти горшки не моют, а тут вылить забы-

ли, подумаешь, велика беда. Сунув использованную посудину под кровать, я вышел в коридор, и направился обратно в зал, где слушал концерт. И нет, я все еще не понимаю, зачем меня вообще сюда выдернули, если тот же Фридрих даже не взглянул в мою сторону ни разу, и уж тем более ни разу не заговорил. Чушь какая-то.

В какой-то момент я понял, что, похоже, заблудился. Наверное, свернул не в тот коридор, потому что, судя по ощущениям, концертный зал должен уже появиться на горизонте.

– ... и все-таки мне не совсем понятно, почему вы так долго не подписываете подорожные документы графу Дюкеру, ваше величество, – я замер возле приоткрытой двери, скрытый в тени. Это напоминало мне какую-то плохую комедию, где герой сумел случайно подслушать, что о нем говорят.

– Сегодня можно будет подписать, – голос Фридриха был неприятен. Он скрипел, словно король простыл. Хотя, может быть, это от того, что он на флейте играл, кто его знает.

– Вы знаете, кто скрывается под этим именем? – я не видел их, понятия не имел, кто собеседник Фридриха, но стоял рядом с этим кабинетом, и жадно вслушивался в произнесенные слова, собирая информацию по крохам, как бомж пустые бутылки. Только бы меня здесь никто не застукал, только бы...

– Конечно, юный герцог Гольштейн-Готторпский. Полагая, его тетка Елизавета сделала свою ставку на племянника

и хочет с его помощью укрепиться на троне.

– И вы допустите это, ваше величество?

– Конечно, – Фридрих хрипло рассмеялся. – Однажды я получил от герцога очень трогательное письмо, в котором он выражает мне свое обожание и чуть ли не преклонение передо мной. Очень важно иметь подобного союзника в то время, как Бестужев будет настраивать императрицу против меня. Он обожает Версаль, а меня считает тупым грубым солдафоном.

– А, так значит вы для этого пригласили сегодня герцога на концерт, чтобы он хоть издали побыл в вашем обществе, укрепляясь в нежных чувствах, – раздался смешок, а я сжал кулаки. Ну что за суки. Использовать никому не нужного пацана, внушая ему невесть что. Как же это по «европэйски».

– Боже, да вы просто не видели того письма. Я – его Дульцинея, он влюблен в меня заочно, как Дон Кихот... – я не могу больше это слушать, не могу. Отступив еще больше в тень, я развернулся и понесся по коридору в обратном направлении. Что я только что услышал? Это вообще нормально? Или я неправильно перевел? Или слухи о старине Фридрихе правдивы. Так, не думать об этом, не думать, мать твою! Хотя сейчас вопросы про скрипочку исчезли. И пускай егерь учит на ней играть, ничего, главное, что мальчишка на своего кумира хоть чуть-чуть походить будет. Наверное, не смог найти никого, кто на флейте играл и мог хоть чисто теоретически научить.

Прямым ходом я выскочил в какой-то очередной коридор и резко затормозил. Посредине коридора стоял Брюммер и озирался по сторонам. Увидев меня, он резко развернулся, направляясь в мою сторону.

– Вот вы где, и где вас черти носили? – процедил он, грубо хватая меня за руку, так, что, похоже, синяк останется. – Почему вы не поставили меня в известность о том, куда направились?

– Отпусти, – спокойно проговорил я. Не собираюсь я терпеть его пьяные выходки. Я не Карл Петер, и не влюблен заочно в старого пи... короля Фридриха. А своим слугам, коим Брюммер и является, если разобраться, я тем более не позволю обращаться с собой, как им вздумается. – Немедленно убрал руки. И, если еще раз позволишь прикоснуться ко мне без моего на то ведома, очень сильно пожалеешь. Уж поверь, герцог Гольштейн-Готторпский вполне сумеет превратить твою ничтожную жизнь в ад. Это, если не брать во внимание то, что я в перспективе все же надену на голову одну из корон. А теперь, карету мне, сударь, карету! Мы уезжаем. Где здесь чертов выход?

Похоже, герцог действительно никогда не давал этим сволочам даже устный отпор, потому что Брюммер на мгновение впал в ступор. Нет, никаких иллюзий насчет того, что он не попытается применить силу снова у меня не было. К тому же во все времена взрослому и якобы воспитателю всегда верили лучше и охотнее, чем подростку, и мне предстояло

сделать прежде всего так, чтобы меня услышали и приняли всерьез. Насчет Елизаветы я иллюзий не питал. Нужно будет долго присматриваться, прежде, чем начинать собирать команду. А вот немцы мне заплатят за сегодняшнее унижение, потому что я этого никогда не забуду, Дульсинея моя ненаглядная.

Карету доставили быстро, но, прежде, чем уехать, Брюмера отозвал в сторону какой-то лохотный офицер, который бросил быстрый взгляд в мою сторону, а затем полностью переключился на слегка подвисшего обер-гофмаршала. Как я понял, Брюмер только что получил ту самую подписанную подорожную, которую не мог вымутить уже несколько дней.

По дороге мы не разговаривали. Он все это время сидел напротив меня в карете и сверлил не самым доброжелательным взглядом. Только вот мне было наплевать. Я хотел уже поскорее оказаться в России, чтобы начать что-то планировать. Сейчас, без знания реалий это было невозможно. Да и Брюмер с Бернгхольцем сбивали настрой.

На постоялом дворе Брюмер объявил, что завтра с утра мы, наконец-то выезжаем, и пошел в комнату, которую делил с Бернгхольцем и Корфом, чтобы успокоить нервы и отдохнуть. По дороге он прихватил с собой трактирную девку. Чтоб тебе сифилис подхватить, урод. Я прожег его спину ненавидящим взглядом. Это как же нужно умудриться, так заставить себя ненавидеть всего за пару дней? Ведь я понятия не имею, что именно между ним и герцогом происходи-

ло на протяжении нескольких лет, если судить по некоторым оговоркам.

– Ваша светлость, я вам сегодня понадоблюсь? – я резко обернулся и долго непонимающе смотрел на Крамера.

– Да. Только книгу смени, – и я побрел наверх, не глядя, идет он за мной или нет. А вообще, до меня только что дошло. Что эта тройца заняла единственную комнату, а мне на морозе пришлось стоять и ждать, когда та девчушка, которой я солдатиков подарил, уедет. Вот здорово. Просто неопишимо. И если дворянство здесь ничем не отличается от дворянства в России, то хрен они у меня получают, а не дворянскую вольницу. Сдохнут на службе.

Вот так накручивая себя, я с остервенением содрал с себя мундир и растянулся на кровати.

– Я не понял, если не эту книгу, то какую, ваша светлость? – я закрыл глаза, чтобы не видеть Крамера.

– Да любую. «Императора» Макиавелли, – ровно произнес я, стараясь успокоиться. – А «Дон Кихота» сожги. Если я ее еще раз увижу, то заставлю тебя ее сожрать. – Успокоиться не получалось, и хотелось банально реветь. Да что же такое-то. Когда уже это тело меня перестанет своими реакциями мучить? Одинокая слезинка все же сползла из уголка глаза по лицу. Я зло смахнул ее. Скорее бы уже хоть куда-нибудь приехать.

Глава 4

Крамер вошел в комнату, после моего разрешения и замялся на пороге, словно не зная, как начать разговор.

– Что еще у нас случилось плохого? – не глядя на него, протянул я, старательно выводя на бумаге свое имя. Даже кончик языка высунул от усердия.

– Нет такой книги, ваше высочество. Я ее где уже только не искал. Может быть, вы имели в виду не «Император», а «Государь» Макиавелли? – он тяжело вздохнул, поглядывая на меня, продолжая мять свою треуголку, которую снял, когда вошел в комнату. – Или, может быть, автор какой другой не Макиавелли?

– Может быть, – я положил перо на стол и принялся его задумчиво разглядывать. Мне, если честно, было по барабану, как там книга на самом деле называлась, я ляпнул первое, что на ум пришло, даже не слишком понимая смысла сказанного. Но Крамер, как истинный немец, принял все всерьез и вот уже два дня пытался отыскать несуществующую книгу. Так же, как и Бастиан не оставлял попыток выяснить, почему герцог так резко охладел к скрипке. Эти немцы вообще все делали основательно и, если уж и ненавидели, и презирали, то до конца, как Брюммер, например.

Мы, похоже, застряли в Берлине на неопределенное вре-

мя. Пурга, заставшая нас уже на подъезде к городу, не собиралась успокаиваться. Дороги завалило снегом и кареты просто не могли пройти. Можно было, конечно, не выделяться, и пересесть на возки, вот только лошадям глубокий снег тоже комфорта не доставлял, поэтому Брюммеру, скрипя зубами, пришлось поездку отложить, на то время, пока, хотя бы ветер не стихнет. Меня это решение в общем-то устроило. Пережив ночь с мыслями, которые бродили в голове и не позволяли сомкнуть глаз, я так и не пришел к какому-то определенному выводу, но решение отложить поездку воспринял утром более-менее спокойно.

Ни Брюммер, ни Бернгхольц за эти дни мне на глаза не попадались, что для меня было вполне даже неплохо, да я практически и не выходил из комнаты, решив научиться писать. Это не прикол такой, а вынужденная необходимость, потому что писать пером, и писать ручкой – это две большие разницы. К тому же герцога явно не напрягали чистописанием, потому что мышцы не слишком охотно отзывались на попытки поставить руку, чтобы не изгваздать чернилами абсолютно все вокруг. Хотя, нет худа без добра, я хотя бы узнал, что у меня есть еще как минимум одна запасная рубашка, потому что та, которую я в итоге заляпал, годилась разве что на тряпки. На второй день у меня получилось вывести первые слова. Писал на русском, потому что на немецком мог пока только говорить, да понимать обращенную ко мне речь. На чтение и письмо, как оказалось, оставшихся реакций под-

корки не хватило. Точнее, на письмо. Читать с трудом, но получалось. И тут Крамер решил все-таки признаться, что не может обеспечить своего герцога какой-то книжкой.

– Ваше высочество, я не понимаю, вам нужна эта книга, или нет? – Крамер уже устал стоять передо мной, изображая истукана. А я все смотрел на него, прокручивая в голове какую-то мысль, на реализацию которой мне нужны все-ничего – деньги. А денег у меня не было.

Дверь открылась и в комнату вошел Корф. Я даже улыбнулся. Вот, классический пример божественного провидения. У меня денег нет, а вот у барона они наверняка имеются.

– Барон, я рад вас видеть, вы даже не представляете насколько, – Корф смотрел на меня с подозрением. По-моему, ему не понравился мой настрой.

– Ваше высо... эм... граф...

– Да плюньте уже, обращайтесь ко мне, как вам удобнее. Все равно все прекрасно знают кто я, куда еду и подозреваю, зачем я туда еду не является секретом ни для кого, начиная от хозяина этого заведения, и заканчивая королем Фридрихом, – я махнул рукой, показывая мое отношение к этой так называемой конспирации.

– Но... – Корф о чем-то задумался, затем глубоко вздохнул. – Похоже, вы правы, ваше высочество. И меня немного смущает, что все проходит так гладко.

– Почему? Вы думаете, дядя не открыл бутылку самого

лучшего вина, когда понял, что я уехал в Россию? Мой отъезд и следующее за ним признание тети делает для него корону Швеции куда ближе, чем он может об этом мечтать. Думаю, что он сейчас как никто другой молится за мое скорейшее прибытие в Петербург.

– Вы становитесь циником, ваше высочество, – заметил Корф.

– Нет, не становлюсь, – я покачал головой. – Просто я наконец понял, что молчать нельзя. Если ты говоришь, то люди начинают тебя понимать. Во всяком случае, им становится понятно, чего ты хочешь, гадать не приходится.

– И чего же вы хотите от меня, ваше высочество? – барон усмехнулся. Я вообще заметил, что его отношение ко мне немного поменялось. Оно стало более настороженное и не такое снисходительное, как раньше.

– Денег, – я вздохнул. – Я прошу одолжить мне немного денег, чтобы самому посетить книжную лавку, иначе, я совсем без книг в дороге останусь. Как только у меня появятся средства, я с благодарностью с вами рассчитаюсь.

– Да, я понимаю, что вы имели в виду, подразумевая, что надо просо говорить людям то, что вы от них хотите, – Корф смотрел на меня еще внимательнее. – А какую книгу вы хотите приобрести?

– Его высочество просил «Императора» сеньора Макиавелли, но я нигде не сумел ее найти, – быстро за меня ответил Крамер, я же только зубами скрипнул.

– А разве сеньор Макиавелли написал такую книгу? – Корф был прекрасно образован и сейчас очень сильно удивился, услышав мое озвученное пожелание.

– Наверное нет, – я пожал плечами и поднялся, потянувшись за висящим на спинке стула мундиром. – Не успел видеть.

– Почему не успел? – Крамер наморщил лоб, пытаюсь понять, что я имею в виду.

– Потому что умер, – я принялся застегивать многочисленные пуговицы, чертыхаясь про себя. Корф, услышав мой ответ негромко хмыкнул, а передо мной на стол упал кошель. Развязав завязки, я высыпал на стол монеты. Пять золотых, десять серебряных и горсть более мелких монет. Не плохо. Хотя я и не знал курса, но, что-то мне подсказывало, что сейчас передо мной весьма внушительная сумма.

– Не стоит утруждать себя отдачей долга, ваше высочество. – Сказал Корф, когда я собрал монеты обратно в кошель и сунул его в карман. – Это было упущение с моей стороны не подумать о том, что вам могут понадобиться собственные средства во время пути.

– Благодарю, барон, – я уже набрасывал на плечи плащ и брал в руки треуголку. – Крамер, позовите Румберга, будете меня сопровождать.

– Но, ваше высочество...

– Мне необходимо размяться, я устал сидеть в этой комнате, – отрезал я, направляясь к двери. – К тому же, судя по

тому, что Крамер не замерз, когда ходил в книжную лавку, она находится где-то здесь недалеко.

Лавка действительно находилась неподалеку. Я в сопровождении Крамера и Румберга, которые возвышались надо мной как колоссы, прошел всего пару домов, свернул за угол, и Крамер уже открывал дверь в лавку, заваленную разными бумагами, свитками, картами, и книгами. В лавке царил полумрак, только возле прилавка, за которым сидел хозяин горели лампы. Думаю, это было обусловлено тем, что товар в этой лавке отличался повышенной горючестью. Колокольчик оповестил о нашем приходе, и хозяин оторвался от книги, которую в этот момент читал.

– Добрый день, молодой господин, – наметанным взглядом он определил, кто в нашей компании главный. Посмотрев на Крамера, он внезапно усмехнулся. – Неужели вы мне не поверили, когда я сказал, что у меня нет той книги, которую вы спрашивали? – Крамер лишь пожал плечами в ответ, тогда торговец вздохнул и снова переключил внимание на меня. – А вам нужно что-то особенное, молодой господин?

– А что особенное вы можете мне предложить? – я сам не знал, зачем пришел сюда. Надеюсь, что могу найти какой-то смысл моего здесь пребывания? Это было слишком оптимистично, но я просто не знал, за что уцепиться и чем себя занять, чтобы банально не свихнуться. Ну хоть книжки начать читать, может пригодится в будущем. Так уж получилось, что я не ученый, не военный, даже на военной кафедре

не учился, и в оружие я не так чтобы разбираюсь. Я всего лишь инженер, который хорошо, мать вашу, разбирается в трубах, качающих и перерабатывающих станциях, и все. Я не занимался никакими боевыми искусствами, а мои попытки помочь сделать уроки младшему брату обычно заканчивались криками и ревом, в ходе которого я просто вырывал у него листы и делал все сам, то есть никаким искусством донесения своих мыслей, пусть даже они правильные, я тоже не владел. Что я могу дать стране? Как я могу помочь тетке, а потом и самому себе? Надо ли мне вообще кому-то помогать? Я не знаю! Так может быть, в какой-нибудь книге найду ответ хотя бы на пару вопросов.

– Могу предложить карты сокровищ, – внезапно улыбнулся торговец. – Вот, например, сокровища Кортеса.

– Не интере... – начал было я, но затем наклонился к карте. Не знаю, какие там сокровища Кортеса где были утеряны и не найдены, а вот карта-то была похоже настоящая. Во всяком случае, расположения Америк и океанов на ней были отмечены правильно. А еще карта была очень подробная. Расположение испанских и португальских городов, портов, проливов, территории, которые обозначались как поделенные и закрепленные за государствами, но пока не исследованные. Я не профессионал, но вполне могу показать эту карту в Адмиралтействе, насколько я знаю, с подобными вещами была определенная напряженка, может и пригодится. – Упакуйте. А я пока тут поброжу с вашего позволения.

– Бродите, – пожал плечами торговец. – Книги не любят суеты. – Он начал весьма аккуратно сворачивать карту, а я пошел по этим развалам.

Чтобы разглядеть названия, мне приходилось брать книги и подносить их почти к лицу. А некоторые приходилось открывать, чтобы понять, что там внутри. Так я наткнулся на «Молот ведьм» Генриха Крамера. Это было издание от 1487 года. А когда интересно эта вещь была написана? Книга была старая, даже древняя. Листы были настолько хрупкие, что я очень осторожно закрыл ее, боясь повредить. Как она могла оказаться в обычной книжной лавке? Она казалась была пропитана желчью тех уродов, которые ее написали. Несмотря на уникальность, мне даже прикасаться к ней второй раз не хотелось. Хотя гравюры были прекрасны. А уж обнаженное женское тело – как представленный сосуд всех мыслимых и немыслимых грехов – так вообще выше всяких похвал. Но почему же мне так сильно захотелось вымыть руки?

– Вы нашли то, что искали? – ко мне подошел Крамер, а я внезапно почувствовал раздражение.

– А что, похоже на то, что я все уже нашел и теперь не могу найти дорогу к выходу? – Крамер покачал головой, я же внимательно смотрел на него. – А скажи мне, Генрих Крамер, автор этой мерзости не является твоим предком? – он быстро бросил взгляд на книгу и отрицательно покачал головой. – Хорошо, а то я уже начал беспокоиться.

Отойдя к другому столу, я принялся бездумно перебирать

книги, лежащие здесь. Никакой системы не было. Они просто были навалены все вместе. Чем дольше я выбирал, тем быстрее мой мозг начинал дифференцировать увиденное. Так, экспериментальным путем я выяснил, что могу весьма неплохо читать заглавия даже у неизвестных книг. С самими текстами все еще прослеживались определенные проблемы, но я определенно мог читать по-немецки. Да, очень медленно, да, делая большие паузы, чтобы понять следующее слова, но мог же! И это была для меня маленькая, но победа.

Внезапно в череде солидных книг в кожаных переплетах, мне на глаза попалась небольшая рукопись «Прусский королевский генеральный регламент сельских школ» за авторством некоего Хекера. Переплета как такового не было, просто листы бумаги, скрепленные нитями. Открыв первую страницу, я убедился, что это не государственный документ, а всего лишь проект, что-то типа рассуждений этого Хекера, и его выводов, сделанных на основании проводимых им исследований. В этом проекте Хекер с чисто немецкой скрупулезностью выводил некоторые тезисы, в которых очень простым языком было описано, что нужно делать, чтобы сделать грамотность населения стопроцентной. Он даже рассчитал, сколько необходимо учителей для все небольшой Пруссии, и сколько будет стоить общине наем какого-нибудь со стороны, на то время, пока дети не смогут заниматься домашними делами, обязанные проводить это время в школе. Если сравнивать со штрафом, который родители обязаны будут запла-

тить в случае недопущения чад в школу, эти расчёты выглядели вполне божескими.

– Пожалуй, вот это мне взять стоит, – закрыв рукопись, я передал ее топчущемуся рядом Крамеру. – Передай хозяину, пускай упакует вместе с картой. – На этот раз Крамер просто кивнул и направился к прилавку. Я же решил побродить еще немного.

Завернув за один из столов, я внезапно наткнулся на сидящего на низкой скамейке мужчину, увлеченно листающего какую-то книгу. Он поднял голову и слегка мне поклонился. Я ответил ему тем же. Понятно, скорее всего, дворянин. Выглядел он не слишком презентабельно. Камзол был явно неновый, но хотя бы чистый. Тяжелый плащ лежал на коленях, вместе с треуголкой, а на боку расположилась явно мешающая ему тяжелая рапира. У него были длинные темные волосы, неухоженные и вопреки моде не собранные в хвост. Не говоря уже про то, что парика у него не было точно. Весь его вид внушал опасения. Почему-то я был уверен, что передо мной человек, много повидавший на своем веку и той рапирой, что была при нем, он владеет очень хорошо.

Повернувшись к столу, я поднял первую попавшуюся книгу. Никола Терракуза и Вентура «Истинное Неаполитанское Фехтование», датированное 1725 годом. Как и во многих других книгах здесь были превосходные гравюры. Просмотрев некоторые из них, я отложил книгу в сторону. Можно попробовать позаниматься, на досуге. Все равно я планиро-

вал хоть какой-то физической подготовкой озаботиться.

— Не советую, — я удивленно посмотрел на мужчину, который смотрел теперь на меня с некоторым снисходительным любопытством.

— Простите, что? — он не делал попытки подняться, и я не стал звать Румберга, который все это время стоял в районе двери, и уже поглядывал на нас с заметным напряжением. С его места этого любителя почитать было видно, я же заметил его лишь недавно.

— Не советую Терракуза. Он такую чушь иной раз говорит, даже интересно становится, откуда он ее берет. Если вам нужно приличное учебное руководство, то вот, возьмите это Франческо Альфиери «Искусство превосходного владения мечом» от 1653 года. Сеньор Альфиери не только показывает здесь приемы, но и учит разным техникам, чтобы руки и ноги были достаточно развиты и не ломались под весом боевой рапиры, — он все же поднялся и Румберг, качнувшись, все же подошел поближе. А мужчина, не обращая на него внимания, вытащил книгу и протянул ее мне. Я слегка опешил, но протянутую книгу все же взял. — Или же вот Сальватор Фабрис «Фехтование или Наука оружия» от 1606 года, — еще одна книга была вытащена из стопки и передана мне. — Здесь собрано вообще все, что мастера меча Италии вообще когда-либо знали о благородном искусстве фехтования. А из относительно нового, могу порекомендовать вот эту Д. Мануэль Круцадо и Пералта «Уловки вульгарного и

общего фехтования только с мечом и с парным оружием», 1702 года, неплохо описана защита, особенно от «подлых» ударов. Хотя я так и не узнал, что именно означает «Д» перед Мануэлем.

– Вы кто такой? – я автоматически взял и третью предложенную книгу и передал стопку подошедшему Крамеру.

– О, позвольте представиться, Гюнтер фон Криббе. Служил капитаном в армии эрцгерцогини Австрийской, но после окончания контракта не захотел его продлевать. Сейчас направляюсь в Париж. Слышал, что французы рассматривают возможность ввести фехтование в обязательное обучение студентов университетов. Хочу попробовать предложить свои услуги.

– Какой извилистый у вас путь до Парижа получается, капитан, – я приподнял бровь. Скорее всего что-то натворил, вот и свалил из армии. Может кого на дуэли прирезал. Какого-нибудь рогатого муженька. Он молод, хорош собой, явно женщинам очень даже нравится.

– Вот так получилось, – капитан пожал плечами и набросил на себя выдавший виды плащ.

– Ваше высочество, – Крамер, который вот уже пару минут пытался привлечь мое внимание, но не решался прерывать разговор, принял жест фон Криббе с плащом как знак того, что я наговорился. – Возникло некоторое осложнение с выбранной вами рукописью.

– Какое с ней могло выйти осложнение? – я раздраженно

передернул плечом и направился к прилавку. – Что случилось? – довольно грубо спросил я у торговца.

– Видите ли, молодой господин, я не могу продать вам эту рукопись, она не принадлежит мне. Ее, скорее всего, забыл здесь один молодой человек, который долго выбирал книги не далее, как вчера, – спокойно ответил он.

– И что? Я хочу забрать эту рукопись, она мне понравилась, – я скрестил руки на груди. Если этот проект здесь просто потеряли, то есть вероятность того, что он вообще не дойдет до Фридриха и его реализация затормозится. Это я удачно зашел. Как знал, что нужно сюда идти.

– Это не моя книга, я не могу...

– Один золотой за все. Карта, рукопись и вот эти три книги, – он открыл рот и тут же захлопнул его. Ну а что ты хотел, золотой есть золотой, а растяпе можно сказать, что никаких проектов здесь не находили. И вообще, он же свое потерял, значит, еще сможет восстановить по памяти. Мы вон в студенчестве сопромат за две ночи выучивали, когда к экзаменам готовились и ничего, а тут всего лишь заново проект написать.

– Ну я даже и не знаю, – протянул хозяин. – Возможно, тот молодой человек и не заинтересован в рукописи, раз не пришел за ней сразу же.

– Так ведь о чем я и говорю, – я положил здоровенную надо сказать монету, не знаю, что это за монета, не разбирался пока, и подвинул ее к торговцу.

— Четыре книги, — резко развернувшись, я устоял на капитана, который подошел поближе и теперь не без удовольствия слушал наш разговор. — Вот эту тоже включите в вашу оплату. — И он положил на прилавок книгу, которую читал, сидя на той скамеечке, вглядываясь в страницы при тусклом свете.

— А вы наглец, сударь, — я смотрел на него, и не понимал, мне он нравится, или мне хочется набить ему морду. Силенок, конечно, у меня не хватит, но у Румберга с Крамером — вполне.

— Давайте договоримся, — капитан поднял вверх руки. — Я сейчас на мели. На такой, что мне едва хватит денег рассчитаться за сегодняшний ужин. Но эта книга меня заинтересовала. Очень заинтересовала. Я же вижу, что вы, ваше высокочество, — он улыбнулся краешком губ, — тоже заинтересованы прекраснейшим искусством фехтования. Я могу вам дать пару частных уроков, а вы взамен оплатите мне эту книгу. Идет?

Я смотрел на него не мигая. Он не внушал доверия. Вообще. От слова совсем. Если честно, то больше всего он напоминал мне не капитана армии, а разбойника с большой дороги. Почему-то, глядя на него, всплывали мысли о пиратах. А еще я был абсолютно уверен, что он превосходный бретёр. Этот фон Криббе мог бы действительно меня многому научить: если бы захотел, если бы у нас было много времени, если бы ему не надоело раньше, если бы... Этих «если бы»

на самом деле было вагон и маленькая тележка, и я не был уверен, что даже после пары уроков он не свалит вместе с моим кошельком, презентованным Корфом.

– Кхм, так что вы решили, молодой господин? – меня оторвал от размышлений торговец, который, похоже, был уже готов продать все это скопом и уже забыл, что видел проект образовательной программы Пруссии.

– Я решил, – думай быстрее, на тебя сейчас четыре человека смотрят, а ты все-таки герцог и вообще высочество, – что плачу за все один золотой, – я принял решение, надеюсь, что не пожалею о нем.

Криббе с очень серьезным видом кивнул, забрал свою книгу и надел треуголку.

– Я полностью в вашем распоряжении. Куда идти? – Румберг хмыкнул и распахнул перед ним дверь, выходя следом. Я же смотрел, как торговец заворачивает мои покупки в какую-то тряпицу, не переставая размышлять о том, а не встрял ли я куда на этот раз с размаху, да с головой?

Глава 5

– Ангард! – я поднял рапиру, потому что Гюнтер решил, что обучение необходимо начинать именно с рапиры, хоть и тренировочной, чтобы руки привыкли к весу. Руки, потому что сам Криббе любил технику, с использованием даги. Занятия продолжались уже пару часов, после того, как он мне подробно объяснил устройство рапиры и показал несколько приемов на своем примере. Двигался он легко и стремительно, а его движения действительно чем-то напоминали замысловатый смертоносный танец. Это было красиво, завораживающе и появлялась сильная мотивация научиться двигаться хотя бы похоже на учителя. – Стоп! – опустить клинок и встать расслабленно. – Салют! – взмах тяжелой металлической палкой, которая почему-то называется тренировочной рапирой. Поприветствуем соперника, как же без этого? Мы же в галантном веке живем. – Ангард! – снова стойка и понимание, что рука дрожит, а вместе с ней дрожит рапира. Все-таки слишком большая нагрузка для первого раза, особенно для совершенно нетренированных мышц. – Аппель, – шаг вперед и наши рапиры скрещиваются. – Ангаже! – клинок перемещается в другую плоскость, при этом работает только кисть и за этим Криббе очень тщательно следит. – Батман и рипост, – кончик рапиры уходит вниз, сколь-

зя по клинку противника, сразу же после того, как они столкнулись. Только завершив движение до конца, я передал рапиру своему невольному учителю, с облегчением выдыхая.

– В общем-то неплохо, – он кивнул каким-то своим мыслям. – Техника совершенно не отработана, но это поправимо. Более всего меня радует, что вы схватываете на лету, ваше высочество. Мне не нужно было повторять больше двух раз то, что хотелось до вас донести.

– Благодарю, господин Криббе, это было весьма поучительно, – я наклонил голову, чтобы выразить свое почтение. Он действительно оказался мастером своего дела. И за эти несколько часов научил меня вполне прилично держать рапиру и даже показал пару уколов, которые мы сейчас отрабатывали на практике. Объяснял он очень просто и доступно, во всяком случае, я понял смысл, и думаю, что смогу разобраться по тем книгам, которые он мне посоветовал. Конечно, без учителя все будет продвигаться не слишком быстро и, боюсь, не вполне удачно, но, на ошибках учатся. К тому же, подозреваю, что Елизавета не будет экономить на племяннике и найдет мне приличных учителей.

– Вам нужно практиковаться, ваше высочество, без постоянной практики даже мои сегодняшние скромные усилия пропадут, и окажется, что вы напрасно выбросили деньги, практически на ветер, – Криббе усмехнулся, и принялся разглядывать комнату. Вроде бы урок окончился, и он должен был уходить, но мне почему-то хотелось его еще ненадолго

задержать. Он никогда не знал герцога и не переносил на меня негативный опыт общения с ним. Как оказалось, для меня это очень много значит.

– Не составите мне компанию за ужином? – я вспомнил, что он говорил, будто денег на этот самый ужин у него сегодня нет, а я, точнее, Корф не обеднеет, если еще одного мужика накормит.

– С удовольствием, – он улыбнулся и бросил на стул тяжелый, но малофункциональный плащ, который уже принялся надевать. – Я слышал, что здешняя кухня вполне на уровне.

– Смотря о каком уровне идет речь, – я пожал плечами. – Румберг, – я обратился к слуге, который в последнее время находился со мной практически неотлучно. Не знаю, с чем связаны подобные предостережения с его стороны, но он, если и отлучался по делам, то очень быстро возвращался, или не уходил, пока в комнату не заходил Крамер, Корф или Бастиан. Довольно странное поведение, учитывая, что, после посещения королевского дворца, я абсолютно уверен, что мне ничего не угрожает. – Распорядись принести ужин. Мне, как я уже говорил, господину Криббе... ну, не знаю, сам посмотри, главное, чтобы было вкусно и сытно.

– Хорошо, ваше высочество, – Румберг поклонился и вышел из комнаты, бросив подозрительный взгляд на Гюнтера.

– Что вы имели в виду, когда говорили, что вам «как оговорено»? – Криббе сел за стол. Никакого пиетета к моему герцогству он не испытывал, и я не понимаю, он ведет себя

так вызываяще, чтобы поддержать имидж, или просто мудак по жизни?

– Мой желудок в последнее время многое не переваривает, – уклончиво ответил я, подходя к окну. Ветер стихал, и, как я слышал, когда проходил по обеденному залу внизу, путешественники, застрявшие здесь, уже начали потихоньку разъезжаться. Если погода к вечеру не испортится, то утром можно попробовать покинуть Берлин.

– Бывает, помню я как-то тоже животом мучился. Отвратительное ощущение, – я покосился на Криббе. В комнате стремительно темнело, нужно было зажигать свечи, но я не умею пользоваться огнем. Спичек пока никто не изобрел, точнее, были какие-то серные палочки, но они были дороги и небезопасны в использовании, поэтому на постоялом дворе таковых не водилось. Обычно, процесс зажигания свечей осуществлялся таким образом: служанка приходила с уже горящей свечкой, и поджигала все, которые находились в комнате, оставляя на столе запасные. Можно было, конечно, еще в камин сунуться, который горел круглые сутки, чтобы хоть немного согреть выстуженную комнату. Но это был вариант на крайний случай, который, похоже, вот-вот наступит, потому что служанка где-то, видимо, заблудилась.

– Да весьма неприятные ощущения, – эхом повторил я за Криббе, и, вздохнув, отошел от окна. Похоже, все-таки придется лезть в камин. Взяв одну из свечей, вместе с подсвечником, я направился к единственному источнику света в

комнате. Все-таки зимой темнота наступает мгновенно. Вроде бы вот еще было совсем светло, и тут же уже почти ничего не видно.

Я не дошел до очага, когда дверь без стука распахнулась. Я резко развернулся, увидев лишь застывший в проеме темный силуэт. Пока он стоял и не двигался, я, если честно напрягся, потому что выглядело это несколько жутковато. Но, скорее всего, он просто пытался что-то разглядеть в темной комнате. Света не хватало, и я никак не мог понять, кто это, пока он не открыл рот.

– Ветер стих, небо все в звездах, полагаю, что эта дьявольская погода сменилась на более спокойную. Завтра утром, я надеюсь, мы уже тронемся в путь. И так потеряли столько дней. Уже могли бы границу Пруссии пересечь, – обергофмаршал Брюммер был на редкость трезв, что удивительно, и очень раздражен, что удивительно не было, потому что он всегда был раздражен. Его раздражение могло сравниться разве только с его спесивостью и высокомерием, с которым он взирал на других, разговаривая, как правило, через губу, не взирая на звания и должности.

– Да, я тоже так думаю. Если ветер снова не поднимется, то завтра утром вполне можно будет поехать, – впервые мне не хотелось ругаться с ним и вообще выяснять отношения хоть с кем-то. Темнота, немного разбавленная светом от горящего камина, действовала умиротворяюще. Хотелось продлить это ощущение хоть немного, вот только сделать это с

Брюммером оказалось невозможно.

— Тогда отдайте распоряжение своему слуге, чтобы он начал собирать вещи. А то будет носиться как петух по двору, когда уже мы будем сидеть в каретах, дожидаясь только наших вещей, — я вовремя прикусил язык, чтобы не ляпнуть о том, что вроде бы обе руки у него на месте, и он вполне способен сам собрать свои шмотки в сундук. Не так уж и много нужно собирать. Я промолчал, в то время, как этот козел продолжал разоряться. — Я не собираюсь за ним бегать, чтобы напоминать каждый раз о его непосредственных обязанностях. — Вообще-то, непосредственной обязанностью Румберга было следить за исполнением моих потребностей, а не разрываться между всеми остальными. Хотел, чтобы тебя обслуживали, надо было нанимать своего слугу и его гонять. Чувствуя, что уже не в силах сдерживаться, я захотел высказать ему все, что думаю по этому поводу, но тут Брюммер зашел в комнату, презрительно разглядывая меня, а затем перевел взгляд на Криббе. — И почему я не удивлен? Ваше пристрастие подбирать всякую шваль, уже может соперничать с вашим вечным притворством и фантазиями. Ничего из перечисленного мною не должно присутствовать у будущего правителя. И мне почему-то никак не удастся отучить вас ни от одной из этих крайне вредных привычек.

— Обер-гофмаршал, я не намерен более выслушивать от вас нравоучения, — я сжал подсвечник, чувствуя, что моему спокойствию все-таки подошел конец. Отучить он меня от

чего-то не может, надо же. Да он даже не заметил, что его воспитанник хоть как-то изменился. Вот Корф и Румберг заметили, хотя знали герцога совсем недолго. Бастиан заметил, потому что я даже ни разу не прикоснулся к скрипке и не хотел слушать как играет он сам, а эти с позволения сказать воспитатели, не заметили, или просто вида не подали, что тоже говорит о том, насколько им плевать на меня. и Брюмера и Бергхольца волнуют только собственные интересы.

– Я был назначен вашим воспитателем вашим дядей, и я имею полное право учить вас...

– Нет, больше не имеете. Потому что мой дядя потерял всякую власть в отношении меня, в тот самый момент, когда мы выехали из Киля. То, что вы все еще сопровождаете меня, говорит лишь о том, что в том же Киле вы никому не нужны, и рассчитываете получить незаслуженную награду от моей тети. Поэтому, оставьте этот тон и больше никогда не возвращайтесь к нему...

– Дерзкий мальчишка, – взбешенный Брюммер сделал еще один шаг в мою сторону и замахнулся. Ждать, когда эта свинья отвесит мне пощечину, что было для него вполне привычно, если судить по тому, как я непроизвольно сжался, я не стал. Поудобнее перехватив подсвечник, я размахнулся и заехал тяжелой металлической штуковиной обер-гофмаршалу по роже. Удар был, надо сказать слабоват, но острые края подсвечника рассекли кожу на его лице и из царапины брызнула кровь. От неожиданности, не ожидавший отпора

Брюммер пошатнулся, но тут же выправил равновесие и бросился на меня с кулаками. Вот сейчас я испугался. Потому что был меньше его раза в два и в три раза легче. Этот носорог же меня просто сметет, и не заметит. Внезапно между мною и Брюммером выросла тень, и занесенную для удара руку перехватили и отбросили в сторону.

– Ваше счастье, сударь, – в голосе Криббе прозвучали рычащие нотки, – что я не увидел, как вы ударили его высочество. Иначе, клянусь богом, вы пожалели бы, что родились на свет.

Меня колотило мелкой дрожью, и я плохо осознавал, что делаю, когда отбросил подсвечник и бросился к кровати, на которой лежали две боевые рапиры, и две тренировочные, принесенные Криббе. Он с сожалением говорил, что вынужден будет продать почти все, оставив себе лишь тренировочные и свою, которая была приторочена к боку. Схватив одну из боевых рапир, я метнулся к замершим друг напротив друга мужчинам и направил клинок в сторону Брюммера.

– Я же уже предупреждал, чтобы вы не смели прикасаться ко мне, – я с раздражением отметил, что у меня дрожит голос. – Я вас просто проткну сейчас, и брошу подышать здесь, как бешенную собаку, которой вы и являетесь.

– Что здесь происходит? – в комнату вбежал Корфф, за которым галопом несли Румберг. Видимо орали мы сейчас знатно, раз умудрились взбаламутить все это сонное царство. – Господа, мне кто-нибудь объяснит, что происходит?

Ваше высочество, что... что вы делаете?

– Уйдите, барон, не вмешивайтесь, – процедил я, все еще держа рапиру у груди замершего Брюммера, который продолжал смотреть на меня не мигая, и даже не скрывая презрения, словно сомневался, что я смогу закончить то, что начал. Он даже кровь не пытался вытереть со щеки, которая продолжала сочиться из раны. Оказывается, я глубоко задел, скорее всего, останется шрам.

– Вы в курсе, барон, что воспитатели вашего подопечного предпочитают необоснованно суровые методы воспитания? – вновь вмешался Криббе, которому надоело изображать статиста. В комнате наконец-то зажгли свечи, хотя я так и не понял, кто именно это сделал.

– О чем вы говорите? – Корф растерянно переводил взгляд с каждого из нас, пытаясь, видимо, все-таки понять, что происходит во вверенном ему отряде.

– Я говорю о том, что иногда, некоторое количество розог бывает полезным для лучшего усвоения правил хорошего тона и различных наук, но то, чему я стал свидетелем, явно выходит за рамки даже здравого смысла.

– Да кто вы такой? – взорвался Корф. Похоже, что у всех начали сдавать нервы. Только мы с Брюммером продолжали стоять друг напротив друга, не обращая внимания на движ, происходивший в комнате. Я же пытался понять, кто вообще в своем уме доверил ему ребенка? По нему же видно, что он считает себя выше, чем любой из присутствующих в этой

комнате. Или дядьке было до такой степени наплевать, что он просто впарил племянника первым встречным, лишь бы под ногами не путался?

– Я учитель фехтования его высочества. Гюнтер фон Криббе, к вашим услугам, – Криббе умудрился отвесить поклон опешившему Корфу. – Его высочество нанял меня не далее, как сегодня. Раз уже его сопровождению плевать, то он решил озаботиться своими уроками самостоятельно.

Вот тут я бросил удивленный взгляд на капитана, который смотрел в это время недобрым взглядом на Брюммера. В тоже время я почувствовал, как кто-то мягко обхватил меня сзади, и огромная ручища забрала из моей руки рапиру, практически не встретив сопротивления.

– Я ничего не понимаю, – простонал Корф, вытирая пот со лба платком. – Я ничего не понимаю. Да, между вами были некоторые разногласие, но, Бог мой, у кого в вашем возрасте не бывает разногласий с наставниками? – и он снова повторил. – Я ничего не понимаю.

– Вы должны понять одно, барон, обер-гофмаршал фон Брюммер и обер-камергер фон Берхгольц уволены без выходного пособия, – процедил я, поворачиваясь к Корфу. – Пускай Крамер последит, чтобы они собрали свои вещи и выметались из комнат, которые сняты для моего сопровождения. Да, и пускай проследит со всей тщательностью, чтобы господа не прихватили себе чего-нибудь на память.

– Вы пожалеете... – процедил Брюммер.

– Я уже жалею, что не сделал этого раньше. Да и, барон, поставьте на довольствие господина фон Криббе. А теперь я прошу всех покинуть мою комнату, кроме господина фон Криббе, с которым мы как раз хотели ужинать, прежде чем случился этот досадный инцидент.

– Я надеюсь, обер-гофмаршал, что вы мне сейчас все объясните, – прошипел Корф. – Мне еще нужно составить отчеты перед государыней Елизаветой Петровной и Бестужевым. И я не знаю, перед кем мне будет сложнее оправдаться, учитывая, что кортеж его высочества так сильно поредел.

– Да плевать мне на этого вашего Бестужева...

– А вот это зря, обер-гофмаршал, – Корф поджал губы. – Поверьте, у графа вполне хватит сил, желания и фантазии, чтобы покарать вызвавшего его неудовольствие, где бы он не находился, если это каким-то образом разрушит его планы. Так что, пойдемте. Я сам прослежу, как вы собираете вещи, а вы в это время мне поведаете, что, дьявол бы вас побрал, здесь произошло.

Он вышел из комнаты, за ним выскочил Брюммер, и Румберг закрыл дверь. Я бросил взгляд на стол. Там уже стоял мой бульон с плавающей в нем курицей, хлеб, сыр, свежесбитое масло и нечто запеченное, видимо, для Криббе. В животе заурчало, даже странно, что аппетит не пропал. Ну, хотя, что тут удивляться, мне же всего четырнадцать лет, будет, через почти два месяца, а в таком возрасте постоянно хочется жрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.